

Николай Михайловичъ Пржевальскій ¹⁾.

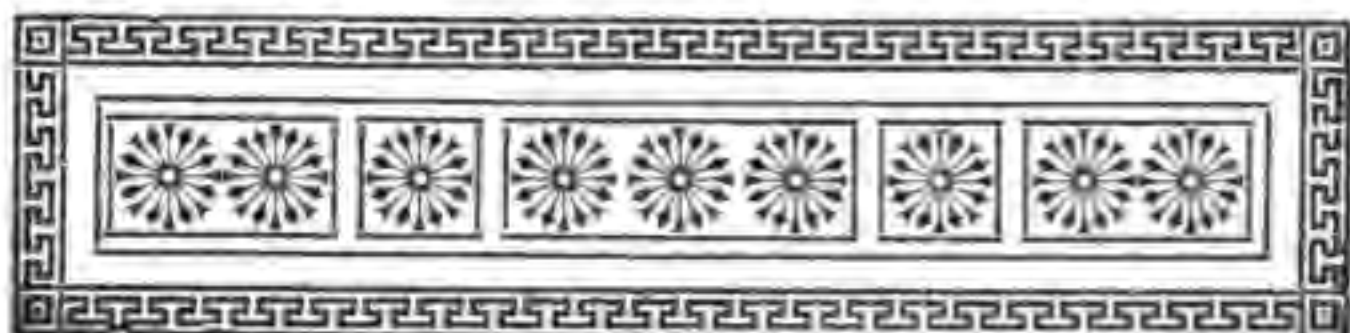
Третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1878 года Н. М. Пржевальскій прибылъ уже въ Петербургъ. Всѣ доктора, къ которымъ онъ обращался, находили, что болѣзнь его происходила, главнымъ образомъ, отъ нервнаго расстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Навлучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, „чему я очень радъ, прибавилъ Николай Михайловичъ. Изъ Питера проѣду прямо въ Отрадное, не останавливаясь въ Смоленскѣ“...

Отдыхая въ деревнѣ, онъ былъ порадованъ вниманіемъ Запада: Парижское Географическое общество прислало Николаю Михайловичу золотую медаль, назначенную за прошлую экспедицію, а изъ Германіи извѣщали его о присужденіи ему Берлинскимъ Географическимъ обществомъ большой золотой медали имени Гумбольдта. Медаль эта была учреждена обществомъ по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, и первый, кто удостоился ее получить, былъ Н. М. Пржевальскій за совокупность его ученыхъ изслѣдованій въ Центральной Азіи. Впоследствии, предѣдатель общества, Н. Г. Нахтигаль, въ письмѣ къ нашему путешественнику, между прочимъ, писалъ:... „Вы отправились на совершеніе новыхъ подвиговъ и во время продолжительнаго и опаснаго путешествія собрали свѣжіе лавры, раньше чѣмъ мы успѣли влести скромный нашъ листокъ въ вашъ славный вѣнецъ“...

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ февраль 1912 г.

Николай Михайловичъ Пржевальскій ¹⁾.

Третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1878 года Н. М. Пржевальскій прибылъ уже въ Петербургъ. Всѣ доктора, къ которымъ онъ обращался, находили, что болѣзнь его происходила, главнымъ образомъ, отъ нервнаго расстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Навлучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, „чему я очень радъ, прибавилъ Николай Михайловичъ. Изъ Питера проѣду прямо въ Отрадное, не останавливаясь въ Смоленскѣ“...

Отдыхая въ деревнѣ, онъ былъ порадованъ вниманіемъ Запада: Парижское Географическое общество прислало Николаю Михайловичу золотую медаль, назначенную за прошлую экспедицію, а изъ Германіи извѣщали его о присужденіи ему Берлинскимъ Географическимъ обществомъ большой золотой медали имени Гумбольдта. Медаль эта была учреждена обществомъ по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, и первый, кто удостоился ее получить, былъ Н. М. Пржевальскій за совокупность его ученыхъ изслѣдованій въ Центральной Азіи. Впоследствии, предѣдатель общества, Н. Г. Нахтигаль, въ письмѣ къ нашему путешественнику, между прочимъ, писалъ:... „Вы отправились на совершеніе новыхъ подвиговъ и во время продолжительнаго и опаснаго путешествія собрали свѣжіе лавры, раньше чѣмъ мы успѣли вилести скромный нашъ листокъ въ вашъ славный вѣнецъ“...

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ февраль 1912 г.

„Моя брошюра о Лобъ-норѣ, сообщалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, встрѣчена чрезвычайно сочувственно за границею. Уже переведена на нѣмецкій и англійскій языки, со всевозможными меня восхваленіями. Первый томъ моей Монголіи, переведенный на англійскій языкъ, продается въ Питерѣ за 24 рубля. Расходы по изданію въ Лондонѣ всѣ окупилась, и мнѣ прислали еще изъ Лондона 190 рублей—половину чистой прибыли, до сихъ поръ полученной.—У насъ же второго тома раскуплено только сорокъ экземпляровъ“.

Деревенское приволье значительно возстановило силы Николая Михайловича, но къ сожалѣнію лѣто того года было холоднымъ и дождливымъ. Несмотря на то онъ ежедневно купался или обливался холодною водою, охотился и, какъ говорилъ, безусловно ничѣмъ не занимался — думалъ одну только думу, о путешествіи, и составлялъ проектъ экспедиціи въ Тибетъ.

Къ удовольствію Н. М. Пржевальскаго попытки англичанъ проникнуть въ Тибетъ изъ Индіи не увѣнчались успѣхомъ. Остъ-индское геодезическое бюро послало лишь пундитовъ — обученныхъ географіи и съемкѣ индусовъ, чтобы получить общія свѣдѣнія объ этой недоступной странѣ. Тибетъ держался совершенно обособленно и зависимость его отъ китайскаго правительства выражалась одними подарками, посылаемыми изъ Лхасы въ Пекинъ.

„Между тѣмъ, писалъ Пржевальскій, духовное владычество Далай-ламы, не уступая по силѣ средневѣковой власти папѣ, широко раскидывается по всей внутренней, восточной и южной Азіи. На поклоненіе своему духовному владыкѣ, даже болѣе—воплощенному божеству, ежегодно стекаются въ Лхасу многія тысячи пилигримовъ изъ холодныхъ пустынь Монголіи и изъ жаркихъ странъ Индо-Китая. У далай-ламскаго престола сталкиваются люди чуждые другъ другу по происхожденію и языку, по правамъ и образу жизни. Общее для нихъ только одно—религія; но эта пружина, какъ учитъ исторія, достаточно сильна бываетъ для того, чтобы двинуть массы даже на историческій подвигъ. Правда, кроткій буддизмъ едва ли способенъ сдѣлать то, что сдѣлало магометанство, но все-таки въ опытныхъ и талантливыхъ рукахъ духовная власть, располагающая 250-ю милліонами послѣдователей, составляетъ силу страшную. Въ сближеніи съ этою силою Россія можетъ найти для себя немаловажныя выгоды. Обстоятельства намъ вполнѣ благоприятствуютъ: изолированный Тибетъ пока еще не имѣетъ друзей; русское имя въ самой глубинѣ Азіи пользуется симпатіею; наконецъ, вблизи

нашей границы и подъ большимъ нашимъ вліяніемъ находится городъ Урга, священный для буддистовъ и въ особенности для монголовъ. Эти послѣдніе душою ненавидятъ китайцевъ и подобное настроеніе трехъ милліоновъ номадовъ, при случаѣ, можетъ также пригодиться въ нашу пользу“.

Тибетъ вообще представлялъ громадный научный интересъ, такъ какъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ географическомъ, естественномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Вотъ почему Н. М. Пржевальскій сосредоточилъ все свое вниманіе на Тибетъ, и осенью того же года представилъ въ Географическое общество проектъ тибетской экспедиціи съ наличнымъ персоналомъ въ двѣнадцать человекъ и съ расходомъ на два года, — двадцать восемь тысячъ рублей. Въ эту цифру не включались: прогоны, содержаніе по службѣ и такъ называемые непредвидѣнные расходы. „Считаю также долгомъ оговорить, писалъ Пржевальскій, что въ общій расчетъ включены только обыкновенные подарки, какъ-то: часы, ружья, револьверы, зеркала и т. п. Если же правительство желаетъ послать Далий-ламѣ, его сподручнику Банъ-чэн-ардени, равно и китайскому резиденту въ Лхасѣ, какія либо цѣнные вещи, то ихъ покупка должна быть произведена изъ особыхъ средствъ“...

Окончательное утвержденіе экспедиціи зависѣло отъ возвращенія Государя изъ Крыма, но въ принципѣ она была уже предрѣшена. „Нельзя не признать, писалъ при этомъ предсѣдатель географическаго общества Великій Князь, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей нашего времени на поприщѣ изученія Центральной Азии является полковникъ Пржевальскій. Его научныя заслуги высоко оценены всѣми русскими учеными учрежденіями, увѣнчаны рядомъ самыхъ почетныхъ наградъ на Западѣ и, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ всякаго поощренія и поддержки со стороны правительства“.

Собираясь въ новое путешествіе, Николай Михайловичъ старался приискать себѣ второго сотрудника, что было очень не легко. Спутникъ долженъ быть истиннымъ помощникомъ, близкимъ другомъ, и если человекъ не соединяетъ въ себѣ такихъ качествъ, то, конечно, не годится для экспедиціи, гдѣ „каждый лишній человекъ, говоритъ Пржевальскій, становится обузою, въ особенности, если онъ не удовлетворяетъ вполне требованіямъ экспедиціи. Въ длинномъ ряду этихъ требованій, далеко не на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ нравственныя, или вѣрнѣе, сердечныя качества. Сварливый, злой человекъ будетъ неминуемо великимъ несчастіемъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, гдѣ должны царить дружба и братство, рядомъ съ безусловнымъ подчиненіемъ руководителю дѣла“.

Долго Пржевальскій колебался, кого взять—желающихъ являлось много, военныхъ и статскихъ, и, наконецъ, остановился на товарищѣ Эклона по гимназін, прапорщикѣ Новочеркасскаго полка Всеволодѣ Ивановичѣ Роборовскомъ. При первомъ же знакомствѣ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ спутника вполне подходящаго. „Человѣкъ весьма толковый, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, порядочно рисуетъ и знаетъ съемку, характера хорошаго, здоровья отличнаго“. Пржевальскій тотчасъ же донесъ о своемъ избраніи главному штабу, и 14 декабря (1878 г.) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командированіе полковника Пржевальскаго, прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго, четырехъ казаковъ и трехъ солдатъ, въ Тибетъ на два года.

Отправляясь въ Тибетъ, Николай Михайловичъ сознавалъ всю трудность и сложность предпринимаемой задачи. Тибетъ—это страна, ревниво оберегаемая китайцами отъ всякаго вторженія иностранцевъ, а въ особенности европейцевъ, и китайское правительство не охотно допускаетъ въ него путешественниковъ. Въ предыдущей статьѣ мы упоминали о препятствіяхъ, чинимыхъ китайскими министрами при первомъ извѣстіи о приближеніи Пржевальскаго къ Тибету, теперь же въ рукахъ его были новыя свѣдѣнія, свидѣтельствовавшія, что и въ предстоящемъ путешествіи будетъ не легче. „Населеніе Тибета, говорили китайскіе министры, издавна и постоянно не желаетъ видѣть въ своей странѣ чужеземцевъ и держится этой мысли твердо, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ“.

Полагаясь только на свое счастье, Николай Михайловичъ, двадцатаго января 1879 года, выѣхалъ изъ Петербурга, а двадцать седьмого февраля уже прибылъ въ Зайсанъ. „Особыхъ приключеній дорогой не было, писалъ онъ, только дожимали насъ сильные морозы. Въ Оренбургѣ, Омскѣ и Семипалатинскѣ останавливались по нѣсколько дней.—Въ Зайсанѣ я засталъ Коломейцева ¹⁾, которому Н. А. Свѣрцовъ до сихъ поръ не высылалъ ни копейки денегъ. Бѣдный Коломейцевъ былъ кругомъ въ долгу. Я взялъ его съ собою въ экспедицію...

„Глубокій снѣгъ, выивавшій въ нынѣшнемъ году, въ Зайсанской степи не растаялъ еще до сихъ поръ, и это обстоятельство затормозило наше выступленіе въ путь. Впрочемъ, въ настоящее время снѣгу не много, такъ что, дня черезъ три или четыре, мы, вѣроятно, уйдемъ изъ Зайсана.

¹⁾ Отставной унтеръ-офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка, соучастовавшій Н. А. Свѣрцова по Туркестану и Г. Н. Потанина по сѣверо-западной Монголіи.

„Теперь птицы дѣлаются двумя препараторами, Эклономъ и Коломейцовымъ. Въ Зайсанѣ сдѣлали около тридцати пять штукъ— все мелочь. Хорошихъ экземпляровъ достать здѣсь негдѣ по близости, а ѣхать въ даль, въ горы, мѣшаетъ снѣгъ“.

Персональ экспедиціи, включая сюда и проводника, опредѣлялся въ четырнадцать человекъ. На случай представленія китайскимъ властямъ, везлись мундиры для офицеровъ, а нижнимъ чинамъ были сшиты изъ плина русскіе костюмы. Каждый изъ членовъ экспедиціи имѣлъ винтовку за плечами и два револьвера у сѣдла... „Умѣнье хорошо стрѣлять, говоритъ Н. М. Пржевальскій, стояло вопросомъ первостепенной важности—это была гарантія нашей безопасности, въ глубинѣ азіатскихъ пустынь, наилучшій изъ всѣхъ китайскихъ паспортовъ. Не будь мы отлично вооружены, мы никогда не проникли бы ни во внутрь Тибета, ни на верховье Желтой рѣки. Мы не могли бы идти на проломъ, не спрашивая позволенія или, лучше сказать, не слушая китайскихъ страханій и запрещеній. И если бы наша маленькая кучка не уподобилась оцептаннымъ ежу, который можетъ наколоть ланы и большому звѣрю, то китайцы нашли бы тысячу случаевъ затормозить намъ путь, или, быть можетъ, даже истребить насъ подкупленными разбойниками. Изъ опыта многолѣтнихъ путешествій въ Центральной Азіи мною вынесено то практическое убѣжденіе, что путешественнику въ этихъ дикихъ странахъ, среди здѣшняго дикаго населенія, равно необходимо для успѣха дѣла: деньги въ карманѣ и оружіе въ рукахъ, съ умѣлымъ приложеніемъ къ тому и другому повелительнаго обращенія съ туземцами“.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей, 21-го марта 1879 года, караванъ былъ готовъ къ выступленію. Длинною вереницею вытянулись верблюды, привязанные другъ къ другу и раздѣленные на три эшелона. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ... Въ аррьергардѣ ѣхалъ полный молодыхъ силъ прапорщикъ Роборовскій. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться—путешествіе началось.

Китайская граница проходитъ невадалекъ, а тамъ и бассейнъ Урунгу, по долину которой во многихъ мѣстахъ вблизи воды тѣснились привѣтливныя роши, прикрывавшія бивуакъ экспедиціи. Рыбы въ Урунгу было такое обиліе, что представлялась возможность имѣть ее ежедневно въ видѣ отличной ухи, а иногда и жаркого. „Впрочемъ, прибавляетъ Н. М. Пржевальскій, подобная постная

пища мало пригодна для волчьего аппетита, какимъ всё мы обладали во время путешествія. Баранина, обыкновенно вареная, составляетъ здѣсь незамѣнимую пищу, которая при томъ имѣетъ то великое достоинство, что никогда не надоедаетъ, подобно, на примѣръ, разной дичи или мясу рогатаго скота.

„Путешествіе наше идетъ весьма благополучно и всё мы здоровы. Даже зудъ, которымъ я страдалъ, почти совсѣмъ прошелъ, чему я очень и очень радъ. Было бы здоровье, да счастье, тогда дѣло будетъ сдѣлано... Нужды пока еще не терпимъ никакой—изъ Зайсана взяли много запасовъ. Иногда въ торжественные дни, послѣ хорошей охоты, на Святой и т. п., услаждаемся вареньемъ изъ Отриднаго и наливкою изъ Смоленска. За караваномъ гонимъ небольшое стадо барановъ и въ три дня сѣдваемъ двухъ. Теперь же ѣдимъ кабанятину. Я ничего не знаю, что дѣлается въ Европѣ, и вѣроятно не буду знать до возвращенія изъ путешествія. Ко мнѣ можно теперь писать только черезъ Ургу, на имя Я. П. Шишмарева, да и то письмо получится не ранѣе какъ черезъ годъ...“

Распрощавшись съ долянью Урунгу, путешественники направились поперекъ Джунгарской пустыни, стараясь ее осилить какъ можно скорѣе... Дни проходили главнымъ образомъ въ движеніи каравана. Пржевальскій зорко слѣдилъ въ пути за всякаго рода явленіями, производя въ то же время маршрутно-глазomѣрную съемку и занося наблюденія въ карманную книжку... Потомъ, на мѣстѣ, все переводилось и заносывалось куда слѣдуетъ. Ивъ походнаго порядка въ бивуачный, караванъ, обыкновенно, переходилъ очень быстро, такъ какъ всё участники экспедиціи, не исключая и офицеровъ, принимали эвергичное участіе въ этомъ дѣлѣ, за которымъ, потомъ, слѣдовала трапеза.

— Едва ли, говоритъ Николай Михайловичъ, какой-либо гастрономъ ѣстъ съ такимъ аппетитомъ разныя тонкости европейской кухни, съ какимъ мы теперь принимаемся за питье кирпичнаго чая и за ѣду дзамбы, съ масломъ, а за неимѣніемъ его—съ бараньимъ саломъ. Правда, послѣднее, будучи растоплено, издаетъ противный запахъ салыныхъ свѣчей, но путешественнику въ азіатскихъ пустыняхъ необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфортъ, даже при большихъ матеріальныхъ средствахъ, здѣсь не возможенъ; никакія деньги не перемѣнятъ соленой воды на прѣсную, не уберегутъ отъ жаровъ, морозовъ и пыльных бурь. Въ самомъ себѣ долженъ искать путешественникъ свѣтъ для борьбы со всѣми этими невзгодами, а не стараться избавиться отъ нихъ разными палліативными мѣрами...“

Подкрѣпившись и отдохнувъ въ то же время, каждый принимается за свое дѣло. Члены экспедиціи, являясь главными исполнителями научной части задачи, объединяются взглядомъ и руководствомъ начальника; на ними слѣдуютъ препараторы—собиратели коллекцій и переводчики. На долю низшихъ чиновъ взваливается тяжелое бремя—регулированіе вьюковъ и несеніе сложной повседневной службы до вочныхъ дежурствъ включительно... Время бѣжитъ очень быстро; едва потухнетъ вечерняя заря, — на землю спускается ночь. Я, какъ сейчасъ, живо представляю себѣ пустыню—сѣроватую, монотонную, однообразную,—и позлѣ небольшого ключа или колодца бивуакъ экспедиціи. Двѣ палатки стоятъ недалеко другъ отъ друга; между ними помѣщается вьючный багажъ, возлѣ котораго спятъ казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка барановъ; нѣсколько въ сторонѣ наарканены верховыя лошади. Утомившись днемъ, всѣ отдыхаютъ. Только нрѣдка всхрапнетъ лошадь, тяжело вздохнетъ верблюдъ, или забредетъ сонный человѣкъ... Въ сухой прозрачной атмосферѣ ярко, словно алмазы, мерцаютъ безчисленныя звѣзды, созвѣздія ярко бросаются въ глаза; млечный путь отливаетъ фосфористымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ промелькнетъ по небу падучая звѣзда и исчезнетъ безслѣдно... А кругомъ дикая, необъятная пустыня. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ тамъ ночной тишины. Слово въ этихъ сыпучихъ пескахъ и въ этихъ безграничныхъ равнинахъ нѣтъ ни одного живого существа...

Оазисъ Хами—стратегическій пунктъ, узелъ дорогъ, которыя ведутъ въ Джунгарію и Восточный Туркестанъ съ одной стороны и въ Собственный Китай—съ другой. Китайцы оцѣнивали его должнымъ образомъ и всегда, послѣ разгромовъ, возстановляли не только цитадель, но и общую часть города; земледѣльцы же широко расплываются по окраинамъ оазиса. Въ торговомъ отношеніи Хами играетъ также не маловажную роль.

Приди въ этотъ оазисъ, Пржевальскій разбилъ свой бивуакъ въ полтора верстахъ отъ города, на небольшой лужайкѣ, по которой протекалъ горный ручеекъ. Вступленіе экспедиціи въ Хами отмѣчено было китайскими офицерами, привѣтствовавшими русскихъ путешественниковъ отъ имени командующаго войсками и военнаго губернатора—цинъ-цай'я. Вечеромъ Николай Михайловичъ отправился верхомъ въ городъ, съ визитомъ къ цинъ-цай'ю. На дворѣ губернаторскаго дома были выстроены солдаты со знаменами; губернаторъ встрѣтилъ путешественника на открытомъ воздухѣ и проводилъ его въ пріемную-гостиную, гдѣ былъ предложенъ чай и

сласти. Хозяинъ разспрашивалъ гостя о здоровьи, благополучіи въ пути, пунктѣ дальнѣйшаго слѣдованія и о количественномъ составѣ экспедиціи; затѣмъ цинь-цай предложилъ нѣсколько вопросовъ о Европѣ, въ чемъ обнаруживалъ свое полное невѣжество...

На слѣдующій день губернаторъ отдалъ визитъ и пригласилъ офицеровъ экспедиціи обѣдать на свою загородную дачу. „На парадный обѣдъ, пишетъ Николай Михайловичъ, приглашены также были высшіе мѣстные офицеры и чиновники, такъ что набралось всего человекъ тридцать. Офицеры младшихъ чиновъ прислуживали и подавали кушанья. Обѣдъ состоялъ изъ шестидесяти блюдъ, все во вкусѣ китайскомъ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли важную роль; кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ-то: морская капуста, тресчанги, гнѣзда ласточки-саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сладостями, окончился варенымъ рисомъ. Каждое кушанье необходимо было хотя отвѣдать, да в этого было достаточно, чтобы произвести такой винегретъ, отъ котораго даже наши, ко всему привычные желудки были разстроены во весь слѣдующій день.

Неумѣнье русскихъ ѣсть палочками смѣшило китайцевъ, которые больше и больше привыкали къ своимъ гостямъ и впоследствии часто навѣщали ихъ лагерь. Иногда они позволяли себѣ и неприличіе, подговариваясь къ той или другой вещи, чтобы ее подарили русскіе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, показалъ полную безтактность и самъ губернаторъ, возвративъ обратно посланный ему Николаемъ Михайловичемъ въ подарокъ револьверъ, прося замѣнить его двухствольнымъ ружьемъ. Разгнѣванный Пржевальскій отправилъ прежній револьверъ, присовокупивъ къ нему несессеръ съ серебрянымъ приборомъ, послѣ чего дружба снова возстановилась. Цинь-цай устроилъ другой обѣдъ, попроще—блюды въ сорокъ и просилъ показать ему стрѣльбу экспедиціоннаго отряда. „Въ самый короткій срокъ, говоритъ Николай Михайловичъ, было нами выпущено около двухсотъ пуль, мишенями для которыхъ служили глиняные бугорки въ степи. Въ виду отлчнаго результата стрѣльбы, цинь-цай съ улыбкою сказалъ: „какъ намъ съ русскими воевать; эти двѣнадцать человекъ разгонятъ тысячу нашихъ солдатъ“. Въ отвѣтъ на такой комплиментъ я возразилъ, что намъ воевать не-изъ-за-чего, и что Россія еще никогда не вела войны съ Китаемъ. Но чтобы довершить впечатлѣніе, я взялъ дробовикъ и началъ стрѣлять въ летъ стрижей и воробьевъ. Похваламъ и просьбамъ пострѣлять еще не было конца. Когда же напуганными птички улетѣли, пришлось, уступая общему желанію, разбивать

подброшенные куриные яйца, по одному и по два разомъ, двойнымъ выстрѣломъ. Жаль было попусту тратить заряды, которыхъ здѣсь нигдѣ уже нельзя достать; но репутація хорошаго стрѣлка весьма много мнѣ помогала во всѣхъ прежнихъ путешествіяхъ. Это искусство производить на азіатцевъ чарующее впечатлѣніе“.

Познакомившись, на сколько было возможно, съ городомъ, войсками, экспедиція оставила Хами и продолжала двигаться къ югу, глубже и глубже въѣдряясь въ пустыню, которая на третій-четвертый день явилась во всемъ своемъ ужасающемъ величій: ни растительности, ни животныхъ, ни даже ящерицъ и насекомыхъ... По дорогѣ безпрестанно валялись кости лошадей, муловъ, верблюдовъ. Надъ раскаленною двумя почвою висѣла мутная, словно дымомъ наполненная, атмосфера; вѣтерокъ не колызаль воздуха, не давалъ прохлады. Только часто пробѣгали горячіе вихри и далеко уносили крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ путника игралъ обманчивый миражъ. Если же его не было, то и тогда сильно нагрѣтый нижній слой воздуха волновался и дрожаль, безпрестанно измѣняя очертаніе отдаленныхъ предметовъ. Жара двумя стояла невыносимая — почва накалялась до 62,6° С. Солнце жгло отъ восхода до заката; переходы приходилось дѣлать или ночью или самымъ раннимъ утромъ.

Съ полнымъ душевнымъ удовлетвореніемъ путешественники наконецъ вступили съ караваномъ въ оазисъ Са-чжоу, но только мѣстные китайцы оказались не столь любезными и предупредительными, какъ хамійскіе: въ Са-чжоу отказали дать проводника въ Тибетъ, отговариваясь пеймѣніемъ людей, знающихъ путь, и что къ югу отъ Са-чжоу, сообщалось изъ Пекина, нѣтъ „человѣческихъ слѣдовъ и некуда вести“.—Если, добавляли китайскіе министры Бюцову, послѣ заявленія объ этомъ путешественнику, полковнику Пржевальскому, онъ все-таки пожелаетъ отправиться впередъ, то власти не могутъ быть привлечены къ какой-либо отвѣтственности.

Н. М. Пржевальскій пошелъ и безъ проводниковъ изучилъ прилежащій къ Са-чжоу средній Нань-Шань, превосходно проживъ первыя двѣ недѣли при ключѣ „Благодатномъ“ и почти столько же въ альпійской горной области, одного изъ лежащихъ къ югу горныхъ хребтовъ. Съ той и другой стоянки экспедиціей былъ предпринятъ рядъ экскурсій въ окрестности. Въ Нань-Шанѣ Пржевальскій открылъ два могучихъ альпійскихъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ — Гумбольдта и Риттера. Стоя на

одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: „Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстидалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуты становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ, мелочныхъ помысловъ и стремленій“...

Такимъ образомъ лучшую часть лѣта путешественники съ успѣхомъ провели въ тѣхъ самыхъ горахъ, которыя протянулись къ востоку до Желтой рѣки, а къ западу—мимо Лобъ-нора къ Хатану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего тибетскаго нагорья съ сѣверной стороны. Лишь на пути къ Курлыкь-Цайдаму, въ южныхъ отпрыскахъ Нань-Шаня, въ урочищѣ Сыртынь, случилось очень памятное событіе, едва не окончившееся гибелью одного изъ участниковъ экспедиціи — унтеръ-офицера Егорова. Во время преслѣдованія на охотѣ дикаго яка, Егоровъ заблудился въ горахъ и пропалъ безслѣдно. Всѣ попытки отыскать его въ теченіе пяти дней оставались напрасными. Посланные въ разныя стороны казаки, объѣздивъ верстѣ по сотнѣ въ окружности, вернулись ни съ чѣмъ.— „Участь несчастнаго, пишетъ Н. М. Пржевальскій, теперь, повидимому, была разъяснена: его гибель казалась несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что прошло уже пять сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Егоровъ потерялся. Тяжелымъ камнемъ легло на сердце каждаго изъ насъ столь неожиданное горе. И еще сильнѣе чувствовалось оно при мысли, что погибъ совершенно безцѣльно и безвинно одинъ изъ членовъ той дружной семьи, каковою могъ назваться нашъ экспедиціонный отрядъ.

„На завтра, пятаго августа, мы покинули роковое мѣсто и направились къ западу по высокой долинѣ, которая залегла между главнымъ и окраиннымъ хребтами. Пройдя верстѣ двадцать пять, встрѣтили ключъ, отдохнули на немъ часа два, а затѣмъ пошла опять, съ цѣлью уйти въ этотъ день какъ можно дальше. Караванъ шелъ въ обычномъ порядкѣ, всѣ ѣхали молча въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Спустился около часа послѣ того, какъ мы вышли съ привала, казакъ Иринчиновъ, по обыкновенію ѣхавшій въ главѣ перваго эшелона, замѣтилъ своими зоркими глазами, что вдали, вправо отъ насъ, кто-то спускается съ горъ по направленію

нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь звѣрь, но вслѣдъ затѣмъ я разсмотрѣлъ въ бинокль, что то былъ человѣкъ и никто иной, какъ нашъ, считавшійся уже въ мертвыхъ, Егоровъ. Мигомъ г. Эклонъ и одинъ изъ казаковъ поскакали къ нему, и черезъ полчаса Егоровъ былъ возлѣ нашей кучки, въ которой въ эту минуту почти всѣ плакали отъ волненія и радости...“

Егоровъ стоялъ на колѣняхъ и молча молилъ о прощеніи....

„Страшно пережѣнился за эти дни нашъ несчастный товарищъ, едва державшійся на ногахъ. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и носъ распухшіе, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взглядъ какой-то дикій. Съ подобною наружностью гармонировалъ и костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, остатки того костюма, въ которомъ Егоровъ отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталонъ не имѣлось; ноги же были обернуты въ изорванныя тряпки.

„Тотчасъ мы дали Егорову немного водки для возбужденія силъ, наскоро одѣли, обули въ войлочные сапоги и, посадивъ на верблюда, пошли далѣе. Черезъ три версты встрѣтился ключъ, на которомъ мы разбили свой бивакъ. Здѣсь напоили Егорова чаемъ и покормили немного бараньимъ супомъ. Затѣмъ обмыли теплою водою израненныя ноги и приложили на нихъ корпю, намоченную въ растворѣ ариики, изъ нашей походной аптеки; наконецъ больному дано было пять гранъ хины и онъ уложенъ спать. Немного отдохнувъ, Егоровъ вкратцѣ разсказалъ намъ о своей пронажкѣ слѣдующее.

„Когда, тринадцатаго іюля, онъ разошелся въ горахъ съ казакомъ Калмыянинымъ и пошелъ по слѣду равнаго яка, то вскорѣ отыскалъ этого звѣря, выстрѣлилъ по немъ и ранилъ еще. Якъ пустился на уходъ... Егоровъ за нимъ и слѣдилъ звѣря до самой темноты; затѣмъ повернулъ домой, но ошибся и пошелъ въ иную сторону. Между тѣмъ наступила холодная и вѣтреная ночь. Всю ее, напролетъ, шелъ Егоровъ и когда настало утро, то очутился далеко отъ горъ въ Сыртынской равнинѣ. Видя, что зашелъ не туда, Егоровъ повернулъ обратно въ горахъ, но, придя въ нихъ, никакъ не могъ обознать мѣстность; тѣмъ болѣе, что, какъ на зло, цѣлыхъ трое сутокъ въ воздухѣ стояла густая пыль. Егоровъ рѣшился идти наугадъ и направился къ западу (вмѣсто сѣвера, какъ слѣдовало бы) поперекъ южныхъ отроговъ крайняго хребта. Здѣсь блуждалъ онъ трое сутокъ и все это время ничего не ѣлъ, только жевалъ кислою листья ревеня и часто пилъ воду. „Ѣсть нисколько не хотѣлось“, говорилъ Егоровъ, „бѣгалъ по горахъ легко, какъ звѣрь, и даже мало уставалъ“.

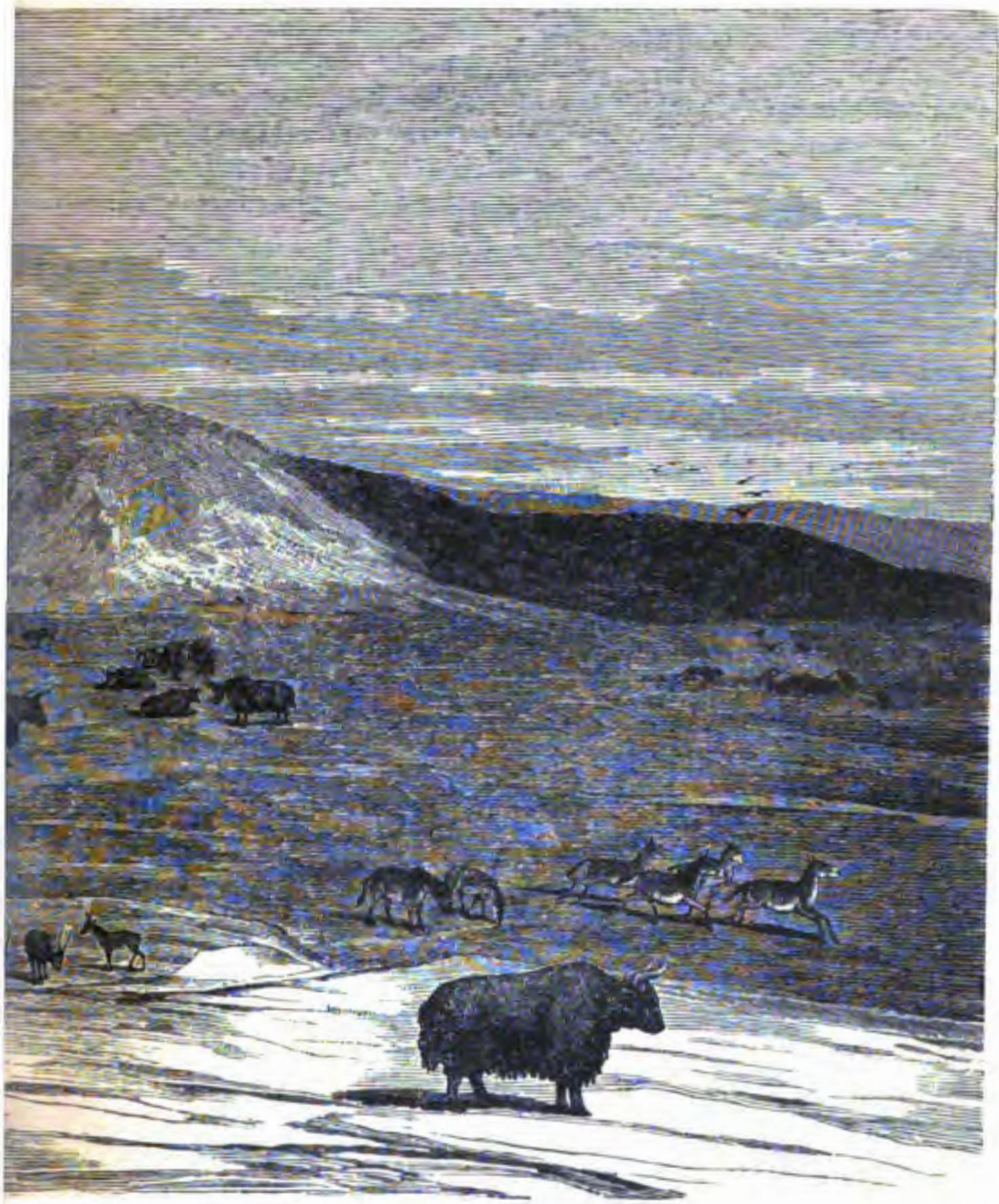
„Между тѣмъ плохіе самодѣльные чирки износились въ двое сутокъ; Егоровъ остался босымъ. Тогда онъ разорвалъ свои парусинные панталоны, обернулъ ими ноги и обвязалъ изрѣзаннымъ на тонкія пластинки пояснымъ ремнемъ. Но подобная обувь, конечно, весьма мало защищала отъ острыхъ камней, и вскорѣ обѣ пятки Егорова покрылись ранами. А между тѣмъ ходить и ходить было необходимо — въ этомъ только и заключалась возможность спасенія. Застрѣливши изъ винтовки зайца, Егоровъ содралъ съ него шкуру и подложилъ эту шкуру, вмѣстѣ съ клочками случайно найденной бараньей шерсти, подъ свои взраненныя, обернутыя въ тряпки, ноги. Болѣли онѣ сильно, въ особенности по утрамъ, послѣ ночи. Невозможно даже было тогда встать, такъ что Егоровъ выбиралъ себѣ ночное логовище на скатѣ горы для того, чтобы утрамъ помѣсти сначала на четверенькахъ „размять свои ноги“, какъ онъ наивно выражался. Не менѣе муки приносили и вочные морозы, доходившіе въ горахъ по крайней мѣрѣ до десяти градусовъ, да еще иногда и съ вѣтромъ. Забравшись гдѣ-нибудь подъ большой камень, Егоровъ съ вечера разводилъ огонь, добывая его посредствомъ выстрѣла холостымъ патрономъ, въ который вкладывалъ, вмѣсто ваты или трута, оторванный кусокъ фуражки. При выстрѣлѣ этотъ кусокъ загорался, потомъ тлѣлъ, и Егоровъ раздувалъ огонь, собирая для него пометъ дикихъ яковъ. Но поддерживать огонь всю ночь было не возможно — одолевали усталость и дремота. Вотъ тутъ-то и начинались, вдобавокъ къ страданіямъ взраненныхъ ногъ, новыя муки отъ холода. Чтобы не замерзнуть совершенно, Егоровъ ухитрялся туго набивать себѣ за пазуху и вокругъ спины сухого помета дикихъ яковъ и, свернувшись клубкомъ, тревожно, страдальчески засыпалъ... Въ это время пропотѣвшая днемъ рубашка обыкновенно примерзала къ наложенному помѣту; за то по крайней мѣрѣ не касалась своею ледяною корою голаго тѣла.

„На четвертыя сутки своего блужданія Егоровъ почувствовалъ сильную усталость и голодъ. Послѣдній былъ еще зломъ наименьшимъ, такъ какъ въ горахъ водились зайцы и улары. Но экземпляру того и другого застрѣливалъ Егоровъ и съѣлъ сырою часть улара; зайца же, также сырого, носилъ съ собою вѣдь по маленькому кусочку, когда сильно пересыхало горло.

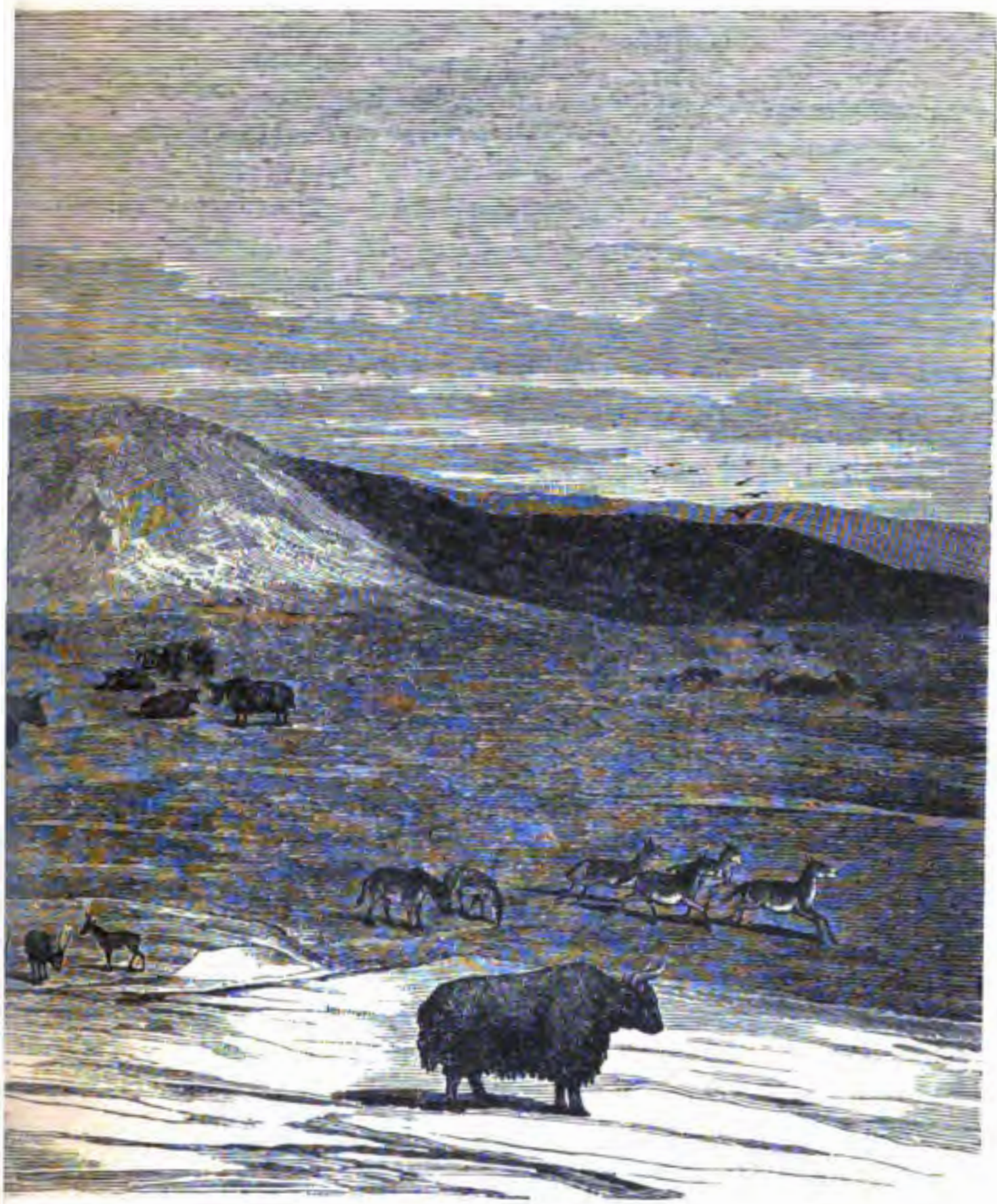
„Въ это время Егоровъ блуждалъ возлѣ тропинки, которая ведетъ изъ Сыртына въ Са-чжоу. Нѣсколько разъ пускался онъ въ безводную степь, но мучимый жаждою, снова возвращался изъ горы. Здѣсь, на пятныя сутки своего блужданія, Егоровъ встрѣтилъ большое стадо коровъ, принадлежавшихъ несомнѣнно кочевавшимъ гдѣ-либо по близости монголамъ; но настуховъ при коровахъ не

Животная жизнь 81

Северномъ Тибетѣ.

Северномъ Тибетѣ.

оказалось. Вѣроятно, они издали замѣтили незнакомаго, страннаго челоуѣка и спрятались въ горахъ. Конечно, Егорову слѣдовало застрѣлить одну изъ коровъ, добыть такимъ образомъ себѣ мяса, а кожей обвернуть израненныя ноги. Однако онъ не рѣшился на это; хотѣлъ только взять отъ коровъ молока, но и тутъ неудача—коровы оказались недойнными.

„Оставивъ въ покоѣ этихъ соблазнительныхъ коровъ, Егоровъ побрелъ опять по горамъ и переночевалъ здѣсь шестую по счету ночь. Между тѣмъ силы замѣтно убывали... Еще день—другой такихъ страданій, и несчастный погибъ бы отъ истощенія. Онъ самъ уже чувствовалъ это, но рѣшилъ ходить до послѣдней возможности; затѣмъ собирался вымыть гдѣ-нибудь въ ключѣ свою рубашку и въ ней умереть. Но судьба судила иначе... Егоровъ случайно встрѣтилъ нашъ караванъ и былъ спасенъ.

„И какъ не говорить мнѣ о своемъ удивительномъ счастьи! Опоздай мы днемъ выхода съ роковой стоянки, или выступи днемъ позже, наконецъ пройди часомъ ранѣе или позднее по той долині, гдѣ встрѣтилъ Егорова—несчастный, конечно, погибъ бы навѣрное. Положимъ, каждый изъ насъ въ томъ былъ бы неповиненъ, но все-таки в подобной безцѣльной жертвѣ мы никогда не могли бы вспомнить безъ содраганія, и случай этотъ навсегда остался бы темнымъ пятномъ въ исторіи нашихъ путешествій“...

При заботливомъ уходѣ Егоровъ сталъ быстро поправляться; къ общей радости у него не сбѣлалось ни горячки, ни лихорадки; только сильно болѣли ноги, на которыя по-прежнему прикладывалась корпия, намоченная въ растворъ арники. Черезъ два дня Егоровъ уже могъ, хотя съ трудомъ, сидѣть на вербаюдѣ, и экспедиція направилась въ дальнѣйшій путь—къ югу, поперекъ Цайдамской равнины, въ ставку монгольскаго князька Цзунъ-цзасака, каковой благополучно и достигла въ первыхъ числахъ сентября...

Съ приходомъ въ Южный Цайдамъ, Николай Михайловичъ вступилъ на большую тибетскую дорогу, ведущую изъ Пекяна и Ургя въ Лхасу... Въ Цайдамѣ всѣ караваны отдыхаютъ, запасаются продовольствіемъ и только потомъ слѣдуютъ дальше. Цзунъ-цзасакъ, старый знакомый Пржевальскаго, встрѣтилъ экспедицію не особенно радушно и съ первыхъ же дней сталъ кривить душою. Ясно было, что и сюда проникло предписаніе китайскихъ властей не содѣйствовать проходу экспедиціи въ Тибетъ, наоборотъ—всеми силами

тормозять, чтобы принудить ее къ возврату. Лишь категорическое и настойчивое требованіе Пржевальскимъ проводника и заявленіе, если его не будетъ, то самъ князь поведетъ экспедицію въ Тибетъ, сдѣлало свое дѣло...

„И дѣйствительно исполню свою угрозу, прибавлялъ Николай Михайловичъ въ письмѣ къ Колиндеру. Я такъ взволнованъ подобнымъ отказомъ, что трудно вамъ передать... Мѣра моего терпѣнія уже кончилась. Нужно при томъ сказать, что этотъ самый князекъ былъ нашимъ пріятелемъ въ 1873 году. ...Ради Бога, нельзя ли понудить пекинскія власти къ болѣе откровенному образу дѣйствій. Пусть онѣ или окончательно запретятъ мнѣ путешествовать въ ихъ владѣніяхъ, или кончатъ свои проски. Въ особенности важно устранить недоразумѣніе въ Лхасѣ, иначе Тибетъ не будетъ нами изслѣдованъ. О, если бы удалось изслѣдовать хотя часть Тибета!“...

Съ восходомъ солнца, двѣнадцатаго сентября, экспедиція радостно снялась лагеремъ и направилась въ завѣтный Тибетъ...

Теперь начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежавшихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. „Грандіозная природа Азіи проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны,—ознаменовала себя тѣмъ же духомъ подавляющей массивности и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого континента и извѣстномъ подъ именемъ *Тибета*. Рѣзко ограниченная со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, названная страна представляетъ собою, въ формѣ неправильной трапеціи, грандіозную, нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ въ такихъ размѣрахъ неповторяющуюся, столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ лишь немногихъ окраинъ, на страшную высоту отъ 13—15,000 футовъ. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ громоздятся, сверхъ того, обширные горные хребты, правда относительно невысокіе внутри страны, но за то на ея окраинахъ развивающіеся самыми могучими формами дикихъ альповъ. Словно стерегутъ здѣсь эти великаны трудно доступный міръ заоблачныхъ нагорій, непривѣтливыхъ для чело- вѣка по своей природѣ и климату и въ большей части еще совершенно невѣдомыхъ для науки“...

Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтають богатѣйшія пастбища, по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія.

тормозять, чтобы принудить ее къ возврату. Лишь категорическое и настойчивое требованіе Пржевальскимъ проводника и заявленіе, если его не будетъ, то самъ князь поведетъ экспедицію въ Тибетъ, сдѣлало свое дѣло...

„И дѣйствительно исполню свою угрозу, прибавлялъ Николай Михайловичъ въ письмѣ къ Колиндеру. Я такъ взволнованъ подобнымъ отказомъ, что трудно вамъ передать... Мѣра моего терпѣнія уже кончилась. Нужно при томъ сказать, что этотъ самый князекъ былъ нашимъ пріятелемъ въ 1873 году. ...Ради Бога, нельзя ли понудить пекинскія власти къ болѣе откровенному образу дѣйствій. Пусть онѣ или окончательно запретятъ мнѣ путешествовать въ ихъ владѣніяхъ, или кончатъ свои проски. Въ особенности важно устранить недоразумѣніе въ Лхасѣ, иначе Тибетъ не будетъ нами изслѣдованъ. О, если бы удалось изслѣдовать хотя часть Тибета!“...

Съ восходомъ солнца, двѣнадцатаго сентября, экспедиція радостно снялась лагеремъ и направилась въ завѣтный Тибетъ...

Теперь начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежавшихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. „Грандіозная природа Азіи проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны,—ознаменовала себя тѣмъ же духомъ подавляющей массивности и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого континента и извѣстномъ подъ именемъ *Тибета*. Рѣзко ограниченная со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, названная страна представляетъ собою, въ формѣ неправильной трапеціи, грандіозную, нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ въ такихъ размѣрахъ неповторяющуюся, столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ лишь немногихъ окраинъ, на страшную высоту отъ 13—15,000 футовъ. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ громоздятся, сверхъ того, обширные горные хребты, правда относительно невысокіе внутри страны, но за то на ея окраинахъ развивающіеся самыми могучими формами дикихъ альповъ. Словно стерегутъ здѣсь эти великаны трудно доступный міръ заоблачныхъ нагорій, непривѣтливыхъ для человека по своей природѣ и климату и въ большей части еще совершенно невѣдомыхъ для науки“...

Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтаютъ богатѣйшія пастбища, по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія.

„Встрѣчая по пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, пишетъ Н. М. Пржевальскій, сотенныя стада яковъ, хуляновъ и множество антилопъ, какъ-то не вѣрится, чтобы то могли быть дикіи животныя, которыя при томъ обыкновенно довѣрчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего. Невольно переносишься мыслию въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земного шара. А теперь только дикія пустыни Тибета, да немногія нныя мѣстности нашей планеты пока еще уберегли неповинныхъ животныхъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ... Да, его вѣяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы. Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогорьѣ сѣв. Тибета—ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несутъ для дикихъ созданій прогрессивно выростающая культура и такъ называемая цивилизація рода человѣческаго. Ранновѣсіе природы нарушается, искусство замѣняетъ творчество и со временемъ, какъ говоритъ Уэллсъ, быть можетъ только одинъ океанъ въ своихъ недоступныхъ нѣдрахъ останется дѣвственнымъ и непокорнымъ человѣку“...

Изъ всѣхъ звѣрей, водящихся на нагорьи Тибета, больше другихъ вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на огромныхъ дикихъ якахъ, бродившихъ въ одиночку или по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. „Вотъ за этими-то старыми яками, иногда послѣ раны бросающимися на стрѣлку, пишетъ Пржевальскій, мы и охотились съ постояннымъ увлеченіемъ. Интересъ борьбы и до извѣстной степени опасность невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще нѣсколько сильныхъ ощущеній къ тѣмъ многоразличнымъ впечатлѣніямъ, которыми такъ богата жизнь каждаго путешественника вообще, а странствователя по пустынямъ Центральной Азіи въ особенности. Помимо охоты въ одиночку, съ подхода, практиковавшихся на дневкахъ, или по приходѣ на мѣсто бивуака, во время самаго пути съ караваномъ мы частенько охотились за яками, обыкновенно съ помощью двухъ нашихъ собакъ, тѣхъ самыхъ, которыя отправились съ нами изъ Зайсана и до сихъ поръ путешествовали благополучно. Несмотря на свою непородистость, собаки эти отлично напрактиковались для охоты за звѣрмя. Тонкость пониманія дѣла у нашихъ псовъ доходила даже до того, что они умѣли различать по звуку выстрѣлъ дробового ружья по птицѣ и выстрѣлъ по звѣрю. Въ первомъ случаѣ собаки, всегда слѣдовавшія въ хвостѣ

каравана, пастораживали уши и спокойно шли далѣе. Но лишь только раздавался отрывистый, словно шелкнувшій орѣхъ, выстрѣлъ берданки или начиналась учащенная пальба изъ тѣхъ же бердавокъ, псы въ одно мгновеніе выносились впередъ и во весь духъ пускались за убѣгавшими звѣрями, изъ которыхъ нерѣдко ловили раненныхъ, въ особенности ингилопъ. Хулановъ преслѣдовать далеко не любилъ, такъ какъ по опыту знали, что звѣрь этотъ весьма выносливъ на рану и если только не убитъ на повалъ, то уходитъ далеко. За то, когда встрѣчались старые самцы яки, собаки усердствовали, сколько было силъ и умѣнья. Замѣтивъ звѣря часто еще издали, наши псы выбѣгали немного въ сторону отъ каравана и ждали или выстрѣла, или сигнала къ нападенію. Въ томъ и другомъ случаѣ пускались во весь махъ и быстро догоняли тяжелаго яка, хватали его за хвостъ и за боковыя лохмы волосъ, или съ лаемъ забѣгали впередъ, вообще всѣми силами старались остановить звѣря. Такъ обыкновенно и случалось. Испуганный и пустившійся на уходъ, но теперь разсвирѣпѣвшій, якъ останавливается. Съ поднятымъ кверху хвостомъ и наклоненными рогами, онъ бросается то на одну, то на другую изъ надоѣдливыхъ собакъ, которыя, конечно, легко увертываются отъ ударовъ грузнаго звѣря. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ къ добычѣ. Еще издали раздаются нѣсколько нетерпѣливыхъ выстрѣловъ, заставляющихъ яка броситься снова на уходъ, но собаки скоро опять его останавливаютъ. Тогда запыхавшійся охотникъ подбѣгаетъ къ звѣрю въ мѣру близкаго выстрѣла. Дрожащими отъ усталости и ажитаціи руками, онъ ставитъ, или какъ въ Сибири говорятъ, „бросаетъ“ на сошки свою винтовку, самъ припадаетъ къ ней и начинаетъ палить въ яка. Послѣдній обыкновенно выноситъ десятокъ и болѣе пуль, прежде чѣмъ будетъ убитъ. Однако иногда, получивъ два—три удара, разлрившійся якъ бросается уже не отъ охотника, а прямо къ нему, но всегда дѣйствуетъ нерѣшительно, что, конечно, губитъ звѣря и спасаетъ стрѣлка. Ринувшись съ мѣста въ сторону охотника, дикій якъ самъ какъ будто пугается своей смѣлости, пробѣгаетъ двадцать—тридцать, много полсотни, шаговъ и останавливается въ нерѣшимости. Стрѣлокъ не дремлетъ и пускаетъ въ звѣря пулю за пулею изъ своей скорострѣлки. Словно въ мишень бьютъ мелкія малокалиберныя пули, но все-таки еще не могутъ одолѣть могучаго яка. Послѣдній, какъ ни въ чемъ не бывало, постоявъ нѣсколько секундъ въ своей любимой боевой позѣ, т. е. съ опущенною головою и поднятымъ вертикально хвостомъ, снова бросается къ охотнику, но, пробѣжавъ немного, или опять останавливается, или займется собаками, переставшими терзать звѣря. Между тѣмъ

стрѣлокъ начинаеть расходовать уже другой десятокъ патроновъ, а якъ видимо слабѣеть отъ полученныхъ ранъ. Движенія звѣря становятся менѣе порывистыми, гордая поза дѣлается смиренною, поднятый къверху хвостъ опускается, голова никнетъ, туловище вздрагиваетъ... Еще нѣсколько мгновений предсмертной агоніи — и могучее животное падаетъ на землю. Собаки, пока ихъ не отгонять, все еще продолжаютъ теревить уже мертвѣго яка... Отъ убитаго звѣря мы брали, обыкновенно, лохматый его хвостъ, иногда кусокъ мяса или шкуры; остальное бросали въ добычу волкамъ, воронамъ и грифамъ. Хищники эти въ Тибетѣ такъ наповажены, что всегда зорко слѣдятъ за охотникомъ и обыкновенно пользуются результатами его охоты.

„Преслѣдуемый безъ собакъ, раненый якъ лишь нарѣдка бросается на охотника и опять-таки дѣйствуетъ крайне глупо, нерѣшительно. Въ нынѣшнее путешествіе по Тибету мнѣ только однажды случилось испытать серьезное нападеніе этого звѣря. Дѣло происходило въ горахъ Думбуре, на обратномъ пути нашемъ изъ Тибета во время дневки, устроенной наканунѣ новаго 1880 года. Какъ обыкновенно на дневкахъ, утромъ мы отправлялись, въ числѣ нѣсколькихъ человекъ, въ сосѣднія бивуаку горы поохотиться за звѣрями, главнымъ образомъ за бѣлогрудыми аргали. Не давалось также спуску волкамъ, кярсамъ и старымъ якамъ; но хулавы, равно какъ антилопы, оронго и ада, въ то время намъ уже такъ надоѣли, что на нихъ почти не обращалось вниманія. Долго бродилъ я по горамъ, но нигдѣ не встрѣтилъ ни аргали, ни кярсы или волка, шкуры которыхъ нужны были для коллекціи. Всюду попадались только хулавы и антилопы, да нарѣдка на мото-ширикахъ¹⁾, паслись дикіе яки. Такъ прошло время до полудня, и я забрался вереть за десять отъ своего стойбища. Отдохнувъ немного, я повернулъ назадъ другою окрѣпкою горъ и здѣсь, въ одной изъ долинъ, встрѣтилъ нѣсколько старыхъ яковъ. Звѣря подпустили къ себѣ шаговъ на двѣсти и, выпустивъ съ десятокъ пуль по одному изъ нихъ, я, наконецъ, его убилъ. Затѣмъ, обойдя послѣшно вокругъ горы, черезъ которую направлялись остальные яки, я опять встрѣтилъ ихъ и началъ палить. Не помню уже, за которымъ выстрѣломъ одинъ изъ этихъ яковъ сначала пріостановился, потомъ упалъ и покатился внизъ по крутому снѣжному скату горы. Такъ звѣрь катился шаговъ сто, или даже болѣе; затѣмъ остался лежать почти недвижимымъ. Но лишь только я началъ подходить, якъ вскочилъ и быстро побѣжалъ по долини. Я послалъ ему въ догонку пулю, но

1) Мото-ширикъ—тибетская осока (*Kobresia tibetica*).

напрасно. Тогда я вернулся къ ранѣе убитому яку, осмотрѣлъ его, и такъ какъ до бивуака было далеко, да при томъ шкура звѣря мѣстами оказалась попорченною во время дракъ въ періодъ течки, то я отрѣзалъ только хвостъ и заткнулъ его себѣ сзади за поясной ремень. Затѣмъ направился къ бивуаку, какъ разъ по той долинь, по которой убѣжалъ сильно раненый якъ. Послѣдній не могъ уйти далеко и залегъ на равнинѣ. Подпустивъ меня шаговъ на сто двадцать, звѣрь всталъ и сначала шагомъ, а потомъ рысью бросился прямо ко мнѣ. Въ это время у меня осталось только два патрона. Первымъ изъ нихъ я ударилъ яка шаговъ на семьдесятъ; вторымъ—шаговъ на пятьдесятъ. Однако, звѣрь не повалился отъ этихъ новыхъ пуль, но, пробѣжавъ еще шаговъ десять или двадцать, остановился противъ меня, съ наклоненными рогами и поднятымъ кверху хвостомъ, которымъ безпрестанно помахиwалъ. Ружье мое въ это время было пусто, а разсвирѣпѣвшій якъ стоялъ такъ близко, что можно было различить не только небольшіе его глаза, но даже видѣть, какъ краснѣли раны на груди и капала кровь изъ морды. Сильно испугался я въ ту минуту... Дѣйствительно, будь якъ поумнѣе и рѣшительнѣе—онъ убилъ бы меня навѣрняка, такъ какъ на ровной степной долинь сиряться было негдѣ, да и некогда. На крайній случай я поспѣшно вынулъ изъ-за спины заткнутый туда яковый хвостъ и повернулъ свою берданку ложею впередъ, рассчитывая, при окончательномъ нападеніи звѣря, бросить ему въ глаза мохнатый хвостъ, а затѣмъ ударить со всего размаха винтовкою по головѣ—но что могъ сдѣлать подобный ударъ гигантскому черепу, который не пробиваетъ навскосъ попавшая штуцерная пуля! Минуту или двѣ, мы оба, т. е. якъ и я, оставались неподвижны, звѣрь только помахиwалъ хвостомъ, но не измѣнялъ своей позы и не подвигался впередъ; затѣмъ опустилъ хвостъ и приподнялъ голову—знакъ, что раздраженное состояніе начало успокаиваться. Тогда я рѣшилъ отступить и, прыгнувшись къ землѣ, поползъ прочь, не спуская глазъ съ звѣря. Шаговъ черезъ шестьдесятъ я выпрямился и пошелъ быстрѣе; якъ же продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ и только поворачивалъ головою по мѣрѣ того, какъ я дѣлалъ круговой обходъ по узкой долинь. Лишь удалившись шаговъ на двѣсти отъ звѣря, я вдохнулъ свободнѣе и быстро направился къ своему бивуаку, давши мысленно клятву всегда брать съ собою на звѣривую охоту въ Тибетъ запасную пачку патроновъ. Мѣдныя гильзы послѣднихъ, въ достаточномъ количествѣ разбросанныя нами по горамъ и долинамъ сѣв. Тибета, много лѣтъ еще будутъ напоминать туземцамъ, случайною находкою, о томъ, что здѣсь нѣкогда путешествовали и охотились европейцы“.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь „завѣтной“ страны и по мѣрѣ приближенія вимы, тибетское нагорье дало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливající организмъ. Въ ночь на третье октября выпалъ снѣгъ на пол-фута, а на слѣдующій день еще на столько же. Снѣгъ въ Тибетѣ имѣетъ ту особенность, что при ясномъ солнцѣ блеститъ нестерпимо и почти не даетъ возможности смотрѣть вдаль. Караванныя животныя не могли отыскать себѣ корма, и голодные они съѣли другъ на другѣ нѣсколько вьючныхъ сѣделъ, набитыхъ соломой. Первая снѣжная вьюга причинила смертельный холодъ. Такимъ образомъ начало пути по Тибету обѣщало мало хорошаго; къ тому же проводникъ не зналъ дороги и съ большимъ трудомъ ориентировался. „Трудно будетъ—говорилъ начальникъ экспедиціи,—но все-таки пойдемъ впередъ до послѣдней возможности. Если снѣгъ пролежитъ еще недѣлю и продлятся сильные морозы, то и ваши верблюды начнутъдохнуть. Впрочемъ, вѣроятно, эти холода случайныя и впереди будетъ тепло... Вчера на проталинахъ было много ящерицъ, при томъ медвѣди еще не залегли въ зимнюю спячку. Ни того, ни другого не было бы, если бы теперь наступила зима настоящая“.

Караванъ двинулся въ путь. Отъ невыносимаго блеска снѣга скоро заболѣли глаза не только у всѣхъ членовъ экспедиціи, но и у животныхъ, не исключая барановъ, которыхъ гнали за собою какъ продовольствіе.... „Одинъ изъ этихъ барановъ,—пишетъ Николай Михайловичъ,—вскорѣ совершенно ослѣпъ, такъ что мы принуждены были его зарѣзать безъ нужды въ мясѣ. Воспаленные глаза верблюдовъ пришлось промывать крѣпкимъ настоемъ чая и спринцовать свинцовой примочкою. Тѣ же лекарства служили и для насъ. Синія очки, которыя я надѣлъ, мало помогали, такъ какъ отраженный снѣгомъ свѣтъ попадалъ въ глаза съ боковъ; необходимы были очки съ боковыми сѣтками, но ихъ не оказалось“. Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, проводникъ сознался, что заблудился, и требовалъ вернуться на вчерашнюю стоянку. Разсерженный Пржевальскій прогналъ проводника, а самъ остался одинъ со своими спутниками въ пустынь сѣвернаго Тибета... На сотни версты вокругъ не было ни одного жилья, не было ни одной души человѣческой, стоялъ только караванъ небольшой горсти русскихъ смѣльчаковъ, окруженныхъ дикою суровою природою...

Какъ и въ Нань-Шань, такъ и теперь, отыскивать дорогу приходилось собственными развѣздами. Всюду валялись людскіе черепы и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшихъ о трудной борьбѣ человѣка съ гравдіозною природою. На переходахъ, даже неболь-

шихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимо вьюченія и развьюченія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести. При томъ, часто приходилось идти пѣшкомъ, въ особенности при холодѣ и бурѣ, когда верхомъ на лошади или верблюдѣ просидѣть долго невозможно... Въ такихъ случаяхъ для пьющихъ великую услугу оказывала бы рюмка водки, но путешественники на этотъ счетъ имѣли въ наличности всего лишь четыре бутылки коньяку, который берегли на всякій случай.

Едва-едва на восьмые сутки бивуакъ былъ разбитъ близъ перевала Танъ-ла, на абсолютной высотѣ 16.700 футовъ. Справа и слѣва поднимались снѣговыя цѣпи горъ, командующія вершины которыхъ достигаютъ 19—20.000 футовъ надъ моремъ. На перевалѣ Пржевальскій и его спутники произвели залпъ изъ бердапокъ и трижды прокричали ура! Природа была побѣждена силою общей идеи, валелѣянной еще на родинѣ...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетцевъ-еграевъ. Въ ожиданіи хорошей добычи разбойники давно слѣдили за караваномъ и, наконецъ, подъ предлогомъ продажи масла, партіей въ пятнадцать человѣкъ, проникли въ лагерь и завязали ссору. Одинъ еграй обнажилъ саблю, другой кинулся съ копьемъ на переводчика Абдула, а нѣсколько другихъ—на казаковъ. Все это было дѣломъ одной минуты, и Пржевальскій не хотѣлъ вѣрить во что-либо серьезное, пока не послѣдовали выстрѣлы съ противной стороны и не полетѣли, мѣтко бросаемые изъ пращей, камни... Тамъ и сямъ изъ-за сосѣднихъ скалъ раздавались выстрѣлы еграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа разбойники бросились на уходъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Въ ожиданіи вторичнаго нападенія, бивуакъ экспедиціи былъ перенесенъ на болѣе открытое мѣсто и къ ночи принялъ видъ маленькаго укрѣпленія. На часахъ стояли двое казаковъ, а всѣ прочіе спали не раздѣваясь въ объятіяхъ съ ружьемъ. Въ теченіе всей ночи слышались крики въ ближайшихъ аулахъ: повидимому, путешественникамъ готовилось мщеніе.

Раннимъ утромъ караванъ готовъ къ выступленію; три эшелона были поставлены рядомъ другъ съ другомъ. „Впередъ ихъ,—пишетъ Николай Михайловичъ,—собрались всѣ мы кучею, съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами у пояса; въ сумкѣ у каждаго

находилось по сто патроновъ; около четырехъ тысячъ тѣхъ же патроновъ везлись на вьюкахъ. Въ такомъ боевомъ порядкѣ двинулись мы впередъ въ ущелью, которое лежало по пути недалеко впереди насъ. Еграв заняли это ущелье конною партією, стоявшею при входѣ, и нѣсколькими стрѣлками, усѣвшимися съ фитильными ружьями на скалахъ; другая конная партія расположилась на скатѣ горы прямо противъ нашей вочевки; наконецъ, третья собралась немного сзади, вѣроятно для того, чтобы атаковать насъ съ тыла, или можетъ быть задержать наше отступленіе^а.

Едва караванъ тронулся съ мѣста, еграв заволновались, пришли въ движеніе и огласили воздухъ дикими криками... Средняя кучка разбойниковъ двигалась параллельно каравану и когда приблизилась къ нему на разстояніе семисотъ шаговъ, Пржевальскій открылъ огонь. „Сократить еще разстояніе, — говорятъ онъ — не было расчета, такъ какъ еграв, на своихъ отличныхъ коняхъ, въ нѣсколько мгновеній могли прискакать къ намъ и нашъ главный шансъ — дальнобойныя, скорострѣльныя ружья не могли быть пущены въ дѣло какъ слѣдуетъ^а. Нѣсколько залповъ по ближней партіи, а затѣмъ и по отдаленной, сдѣлали свое дѣло — еграв очистили дорогу и разбѣжались въ стороны. Караванъ благополучно миновалъ ущелье, вышелъ на равнину и пріютился лагеремъ въ долинѣ рѣчки Санъ-чю.

Между тѣмъ исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащіе населенные пункты пришли въ смятеніе. Русскіе идутъ сюда затѣмъ, кричали защитники Далай-ламы, чтобы уничтожить вашу вѣру; мы ихъ ни за что не пустимъ; пусть они сначала перебьютъ всѣхъ насъ, а затѣмъ войдутъ въ нашъ городъ. Тибетцы выставили посты отъ деревни Напчу до Танъ-ла и запретили мѣстнымъ жителямъ, подъ страхомъ казни, вступать съ русскими въ какія бы то ни было сношенія и даже продавать имъ продукты.

На содѣйствіе китайскаго резидента въ Лхасѣ рассчитывать было нечего, потому что и пекинскіе министры дѣйствовали недоброжелательно и въ душѣ были очень рады, если бы Пржевальскому не удалось проникнуть въ столицу Тибета. Китайскіе министры препроводили нашему повѣренному въ дѣлахъ, Колиндеру, копію съ донесенія высшихъ сы-чуаньскихъ властей, которыя писали, что несмотря на горячее ихъ желаніе оказать содѣйствіе венгерскому графу Зечени, въ его путешествіи въ Тибетъ, онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ тибетскіе тангуты выставили своихъ солдатъ

для удержанія путешественника. Защитники тибетскаго духовнаго престола говорили, что оня рѣшились ни въ какомъ случаѣ не впускать къ себѣ иностранцевъ, и если графъ Зечени рѣшился вступить въ предѣлы Тибета, то доставленіе головы его будетъ сочтено подвигомъ, въ поощреніе котораго обѣщанъ былъ цѣнный призъ. Опасясь, чтобы того же не произошло и съ Н. М. Пржевальскимъ, китайскіе министры торопились предварить о томъ нашего повѣреннаго въ Пекинѣ и сложить съ себя всякую отвѣтственность.

— Всѣ эти соображенія, отвѣчалъ Кюндеръ китайскимъ министрамъ, а также и извѣстная осторожность и энергія нашего путешественника полковника Пржевальскаго не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ благополучно прослѣдовалъ черезъ пустыни сѣвернаго Тибета и достигъ мѣстностей, гдѣ начинается осѣдлое населеніе, и гдѣ властямъ почтеннаго государства не можетъ представиться затруднительнымъ оказывать ему должную защиту и покровительство. Я увѣренъ, что власти невольно повяли переданный имъ слухъ, который, если бы онъ оказался справедливымъ, конечно, побудилъ бы ихъ немедленно же принять надлежащія мѣры противъ бунтовщиковъ. Иначе можно было бы подумать, что Тибетъ страна совершенно независимая, и тогда характеръ отношеній къ ней, ея сосѣдей, несомнѣнно измѣнился бы.

Не желая признать Тибета независимымъ, министры увѣрили, что они получили коллективное письмо отъ ламъ, просившихъ не разрѣшать иностранцамъ входъ въ Тибетъ. Ничего не подозревая о перепискѣ и пререканіяхъ вообще по поводу русской экспедиціи, Пржевальскій шелъ смѣло впередъ...

Съ приближеніемъ каравана къ деревнѣ Наичу, навстрѣчу были посланы двое тибетскихъ чиновниковъ, съ конвоемъ, съ цѣлью разузнать, кто такіе путешественники и зачѣмъ идутъ? Чиновники держали себя очень вѣжливо и вошли въ юрту только по приглашенію. „Я объяснилъ, — говоритъ Николай Михайловичъ, — что всѣ мы русскіе, и идемъ въ Тибетъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть эту невзвѣстную для насъ страну, узнать, какіе живутъ въ ней люди, какіе водятся звѣри, птицы, какая здѣсь растительность и т. д.; словомъ, цѣль наша исключительно научная. На это тибетцы отвѣтили, что русскіе еще никогда не были въ Лхасѣ, что сюда съ сѣвера приходитъ только монголы, тангуты, да сяньцзюскіе торговцы, и что правительство тибетское рѣшило не пускать насъ далѣе. Я показалъ свой пекинскій паспортъ и заявилъ, что самовольно мы никогда бы не пошли въ Тибетъ, если бы не имѣли на то дозволенія китайскаго государя, что, слѣдова-

тельно, не пускать насъ далѣе не имѣютъ никакого права и что мы низачто не вернемся безъ окончательнаго разъясненія этого дѣла". Отвѣтъ могъ быть полученъ только изъ Лхасы, и чиновники просили начальника экспедиціи обождать недѣли двѣ, прежде нежели желаніе его будетъ исполнено. Обстоятельства заставили согласиться Пржевальскаго, и онъ отдалъ распоряженіе перенести бивуакъ къ ручью Ніеръ-чунгу, вытекающему изъ подошвы горы Буман.

Подобная невольная остановка, послѣ тридцати-дневныхъ переходовъ безъ дневокъ, необходима была и для отдыха. Пользуясь ею, всѣ члены экспедиціи вымылись, выбрились и стали немного походить на европейцевъ. Одежда и обувь, равно походныя принадлежности изнасились, поистрепались, требовалось во всемъ этомъ обстоятельное ремонтрованіе. „Трудное теперь переживаемъ мы время, говоритъ Николай Михайловичъ. Тягостная неизвѣстность впереди на счетъ посѣщенія Лхасы, огромная—16.000 футовъ—абсолютная высота, холода, бури, ночное одиннадцати-часовое лежаніе на грязныхъ войлокахъ и часто безъ сна—все это вмѣстѣ донимаетъ насъ. Хорошо еще, что у меня есть работа—писаніе о Тибетѣ, иначе не зналъ бы что дѣлать отъ скуки. На охоту ходить некуда—звѣрей нѣтъ, птицы же все однѣ и тѣ же“.

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Нанчу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади—на Танъ-ла, несомнѣнно егравы поджидали возвращенія. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: *по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу.* На слѣдующій день вслѣдъ за письменнымъ отвѣтомъ явился тибетскій посланникъ, который остановился въ одной изъ двухъ палатокъ, поставленныхъ недалеко отъ русскаго бивуака для него и для свиты. Переодѣвшись въ богатую соболью шубу, посланникъ пришелъ на бивуакъ въ сопровожденіи намѣстниковъ трехъ большихъ монастырей и представителей тринадцати аймаковъ собственно далай-ламскихъ владѣній. Послѣ обычныхъ привѣтствій, посланникъ спросилъ: съ кѣмъ онъ имѣетъ честь видѣться—съ русскими или англичанами? Получивъ надлежащій отвѣтъ, онъ началъ говорить, что русскіе никогда не были въ Лхасѣ, что они иной вѣры, и что правители Тибета и Далай-лама не желаютъ пустить ихъ къ себѣ.

„На это я отвѣчалъ, говоритъ Пржевальскій, что хотя мы и разной вѣры, но Богъ одинъ для всѣхъ людей; что по закону

божескому, странниковъ, кто бы они ни были, слѣдуетъ радушно принимать, а не прогонять; что мы идемъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, собственно посмотрѣть Тибетъ и изучить его научно; что, наконецъ, насъ всего тринадцать человѣкъ, слѣдовательно, мы никоимъ образомъ не можемъ быть опасны⁴. Посланникъ, повторивъ свои доводы, самымъ униженнымъ образомъ умолялъ не ходить далѣе и обѣщавъ уплатить всѣ расходы по путешествію, если только русскіе согласятся повернуть назадъ. Отвергнувъ вопросъ объ уплатѣ денежныхъ издержекъ, какъ недостойный русской чести, Пржевальскій объявилъ, что онъ возвратится, но просилъ выдать ему бумагу съ объясненіемъ причинъ, почему его не пустили въ столицу Далай-Ламы. Послѣ совѣщаній между собою посольство заявило, что, не будучи уполномочено, не можетъ дать такой бумаги.—Завтра утромъ мы выступаемъ, сказалъ тогда Пржевальскій; если будетъ доставлена требуемая бумага, то пойдёмъ назадъ, если же нѣтъ, то двинемся къ Лхасѣ.

Послѣ новыхъ совѣщаній посланникъ заявилъ, что онъ готовъ дать такую бумагу, но для составленія ея ему необходимо вернуться къ своему стану, расположенному верстахъ въ десять отъ русскаго бивуака.—Тамъ, добавилъ посланникъ, мы будемъ вмѣстѣ редактировать объясненія на счетъ отказа въ пропускѣ насъ въ Лхасу, и если за это впоследствии будутъ рубить намъ головы, то пусть уже рубятъ всѣмъ.

— Я путешествую много лѣтъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ, но нигдѣ еще не встрѣчалъ такихъ дурныхъ и негостепріимныхъ людей, каковы тибетцы; рано или поздно къ нимъ все-таки придутъ европейцы и заставятъ пустить себя силою... Отвѣта на это *пророческое* нравоученіе не послѣдовало, а на слѣдующій день была доставлена требуемая бумага, въ которой приводились тѣ же причины, которыя объяснялъ посланникъ при первомъ свиданіи.

Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. „Трудно описать, говорить онъ въ письмѣ къ Коляндеру, съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ и въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, закончитъ не законченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать“...

Пржевальскій самъ рассчитывалъ на лучшее будущее, а теперь рѣшилъ идти въ Цайдамъ и посвятить весну и лѣто изслѣдованію Желтой рѣки, гдѣ, какъ извѣстно, не бывали еще европейцы. Пока вьючили караванъ, тибетскіе чиновники съ особеннымъ вниманіемъ

разсматривали оружіе; потомъ любезно распрощались съ русскими и какъ бы не вѣря, что они пойдутъ назадъ, стоя группою, слѣдвали за караваномъ до тѣхъ поръ, пока онъ ни скрылся за ближайшими горами.

Обратное слѣдованіе было сопряжено съ еще большими трудностями, нежели передній путь, такъ какъ наступала глубокая зима. „Необходимо было снѣшить, пишетъ Николай Михайловичъ, вбо наши верблюды слабѣли съ каждымъ днемъ, а запасы провизіи истощались, за исключеніемъ одного мяса, котораго можно было добыть охотою сколько угодно. Въ рождественскій сочельникъ выяснилось, что у насъ дзамбы только сто семь фунтовъ; между тѣмъ впереди путь еще далекій. Поэтому съ завтрашняго дня казакамъ будетъ выдаваться только по полфунта въ день на каждого. Соли тоже мало. Казаки ѣдятъ какъ фараоновы коровы. Вообще они звѣри, а не люди, но съ такими только и возможно путешествіе въ здѣшнихъ странахъ. Нужно, чтобы казакъ былъ звѣрь, но на уздѣ. Солдаты—тѣ гораздо лучше, нравственнѣе и вообще благороднѣе. Съ ними и обращаться можно по-человѣчески; съ казаками же должна быть строгость веумолимая...

„Сегодня день Рождества. Достали я ѣли презервированную рыбу (треску) и земляничное варенье. Казакамъ было дано немного сахара и по три сигары изъ подарочныхъ“.

Новый 1880-й годъ Пржевальскій встрѣтилъ, какъ то было замѣчено выше, въ горахъ Думбуре, въ царствѣ дикой природы Тибета, среди звѣрей: яковъ, хулановъ, антиялопъ „я вдали-дальней отъ всего цивилизованнаго міра. Притомъ, записалъ онъ въ дневникъ, сегодня ровно половина (по времени) нашего путешествія: десять мѣсяцевъ тому назадъ, мы пріѣхали въ Зайсань; десять же мѣсяцевъ остается, по вѣроятному расчету, до возвращенія нашего въ Кяхту. Дай Богъ, чтобы и наступающая вторая половина путешествія прошла такъ же благополучно и продуктивно для науки, какъ первая. Тогда со спокойною совѣстью, какъ и теперь, я оглянусь назадъ, зная, что еще одинъ годъ своей жизни прожилъ не даромъ... Ради новаго года казакамъ дано было по полувмперіалу. Сами мы ѣли варенье и фрукты въ сахарѣ, которые предназначались для Далай-ламы, но, по счастью, не попали къ этому.....“

Отпраздновавъ новый годъ, путешественники черезъ хребетъ Гурбунайджи спустились на рѣку Найдживъ-голь. Здѣсь роздана была казакамъ послѣдняя порція дзамбы; рису, съ которымъ варились суцъ, осталось также лишь нѣсколько горстей. „Назадъ на

Тибетъ, говоритъ Пржевальскій, страшно было даже посмотрѣть: тамъ постоянно стояли теперь тучи и, вѣроятно, бушевала непогода. Мы сами хотя счастливо вынесли эти трудности, но чувствовали себя истомленными и не добромъ помнили тибетскія пустыни. Здѣсь же, на Найджинъ-голъ, было довольно тепло, хотя изрѣдка моросилъ снѣгъ—остатокъ тибетскихъ бурановъ. Этотъ снѣгъ покрывалъ окрестныя горы бѣлою пеленою; но на долины рѣки быстро растаивалъ. Теперь оказалось возможнымъ снять и лишнее теплое одѣяніе, безъ котораго ходить и ѣздить верхомъ было несравненно удобнѣе, въ особенности при безпрестанныхъ слѣзаніяхъ съ коня для дѣланія засѣчекъ буссолюю“.

Тридцать перваго января караванъ прибылъ въ Цайдамъ, гдѣ оказалось еще теплѣе, но гдѣ Пржевальскій съ неудовольствіемъ узналъ, что оставленный имъ пакетъ не былъ отправленъ въ Пекинъ, какъ онъ просилъ, а возвращенъ ему. Привыкшее получать періодически отъ Николая Михайловича извѣстіе о его путешествіи. Пекинское посольство, на этотъ разъ, въ теченіе полугода не имѣло о немъ никакихъ свѣдѣній и считало его погибшимъ въ пустыняхъ Тибета. „Участь экспедиціи полковника Пржевальскаго, писалъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ министерству, внушаетъ мнѣ серьезное безпокойство. Третьяго дня англійскій посланникъ передалъ мнѣ, что по полученнымъ имъ изъ Сы-чуани извѣстіямъ, тамъ ходятъ слухи, будто партія иностранцевъ, направившаяся въ Лхасу съ сѣвера, встрѣчаетъ такія же затрудненія, какъ графъ Зечени на востокѣ. Въ тотъ же день министры сообщили мнѣ донесенія имъ сининскаго губернатора и сы-чуаньскихъ властей, извѣщающихъ, что о Пржевальскомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и что, въ виду пустынности проходимыхъ мѣстъ, китайскія власти не могутъ быть отвѣтственными за случайности. Что означаютъ эти донесенія? простую ли предосторожность, принимаемую властями на всякій случай, или же желаніе приготовить меня къ болѣе тревожнымъ и неприятнымъ вѣстямъ,—опредѣлить трудно“.

Эти извѣстія произвели тогда въ Петербургѣ тяжелое впечатлѣніе: всѣ единогласно утверждали о гибели Николая Михайловича, какъ о фактѣ совершившемся, нѣкоторые кружки молились въ Казанскомъ соборѣ за упокой душъ путешественниковъ и крайне сожалѣли, въ особенности о начальникѣ экспедиціи, какъ о безвременно погибшемъ... „Недавно, сказано было въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, черезъ иностранную, конечно, печать мы съ прискорбіемъ узнали, что въ австрійскихъ газетахъ, черезъ посредство путешествующаго по внутреннему Китаю мадьярскаго графа Зечени,

стали говорить, будто нашъ соотечественникъ ограбленъ, убитъ. Утѣшаетъ лишь то, что наша некая миссія ничего о гибели Пржевальскаго не знаетъ... Ливингстона искали, Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальскаго никто искать и не думаетъ. Стоило бы однако позаботиться о его судьбѣ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда Китайъ становится прямо въ враждебныя отношенія къ Россіи...“

Наконецъ, въ февралѣ было получено успокоительное свѣдѣніе о томъ, что не только Пржевальскій, но и всѣ остальные члены экспедиціи живы и здоровы. Скоро пришло извѣстіе и отъ самого Николая Михайловича, съ предположеніемъ о дальнѣйшемъ путешествіи въ истокамъ Желтой рѣки.

Въ сравнительно короткій срокъ, обновленный караванъ перенесъ экспедицію въ западное сосѣдство города Донгэра, откуда, на-легкѣ, Пржевальскій отправился въ Сининъ для свиданія съ мѣстнымъ губернаторомъ. Свиданіе было очень парадное и происходило въ ямынѣ—присутственномъ мѣстѣ, въ воротахъ котораго были выстроены солдаты со знаменами. „Несмотря на довольно холодный день, говоритъ Пржевальскій, всѣ присутствующіе помѣщались въ открытой фанзѣ; на дворѣ ея набилось народу видимо-невидимо. Когда всѣ власти собрались и пріѣхалъ самъ губернаторъ, мнѣ дали знать, что насъ ожидаютъ. Я поѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи прапорщика Роборовскаго, переводчика и двухъ казаковъ; на улицахъ впереди, сзади и по бокамъ насъ, тѣснилась огромная толпа народа, вплоть до самыхъ воротъ ямыня, гдѣ мы слѣзали съ лошадей и вошли во дворъ. Пройдя черезъ этотъ дворъ, мы очутились во второмъ отдѣленіи внутренней ограды и адѣсь встрѣтились съ цинь-цай-емъ. Послѣдній вѣжливо, но весьма холодно, раскланялся съ нами и пригласилъ насъ въ фанзу, назначенную для пріема. Здѣсь губернаторъ усѣлся посрединѣ, прямо противъ входа, и пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собою; прочія же власти, и вмѣстѣ съ ними г. Роборовскій размѣстились воалѣ боковыхъ стѣнъ той же фанзы; переводчикъ Абдуль стоялъ воалѣ насъ; казаки остались на заднемъ дворѣ“.

Прежде всего цинь-цай спросилъ, куда Пржевальскій намѣренъ идти далѣе?

— Нынѣшнею весною, отвѣчалъ начальникъ экспедиціи, мы пойдемъ на верховье Желтой рѣки и пробудемъ тамъ мѣсяца три или четыре, смотря по тому, какъ много найдется научной работы.

— Не пуцу туда, живо возразилъ цинь-цай, я имѣю предписаніе изъ Пекина какъ можно скорѣе выпроводить васъ отсюда и

предлагаю вамъ идти въ Алашѣ. При этомъ амбанъ пристально смотрѣлъ на Николая Михайловича, какъ бы желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него такой категорическій отвѣтъ.

— На Желтую рѣку, отвѣчалъ съ улыбкою Пржевальскій, мы пойдёмъ и безъ позволенія.

— Знаете ли, началъ цинь-цай послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы желая испугать собесѣдника, на верховьи Желтой рѣки живутъ разбойники—тангуты, которые, какъ мнѣ хорошо извѣстно, собираются умертвить всѣхъ васъ, въ отмщеніе за побитіе еграевъ въ Тибетѣ. Тангуты народъ храбрый, можно даже сказать отчаянный. Я самъ никакъ не могу съ ними справиться, несмотря на то, что у меня много солдатъ, и всѣ они воины отличные. Если не вѣрите мнѣ, спросите у другихъ здѣшнихъ чиновниковъ. Присутствовавшіе при аудіенціи китайцы стали почтительно кивать головами и бормотать, а одинъ изъ нихъ всталъ и доложилъ цинь-цайю, что на Хуанъ-хэ живутъ даже людобды.

— Намъ необходимо идти на Хуанъ-хэ, говорилъ Пржевальскій, и мы пойдёмъ туда даже безъ проводника, какъ то не разъ уже дѣлали. Тогда цинь-цай сталъ упрашивать, чтобы экспедиція ограничила свое пребываніе на Желтой рѣкѣ пятью—шестью днями; чтобы Николай Михайловичъ далъ ему расписку въ томъ, что предполагаемое путешествіе беретъ на свой рискъ.—Дать требуемую расписку я охотно согласился, пишетъ Пржевальскій, тѣмъ болѣе, что этимъ мы избавлялись отъ китайскаго конвоя, который былъ бы великою обузою, а при дѣйствительной опасности имъ отъ чего бы не защитилъ; наоборотъ, всего вѣроятнѣе, самъ бы сталъ подѣ нашу защиту...

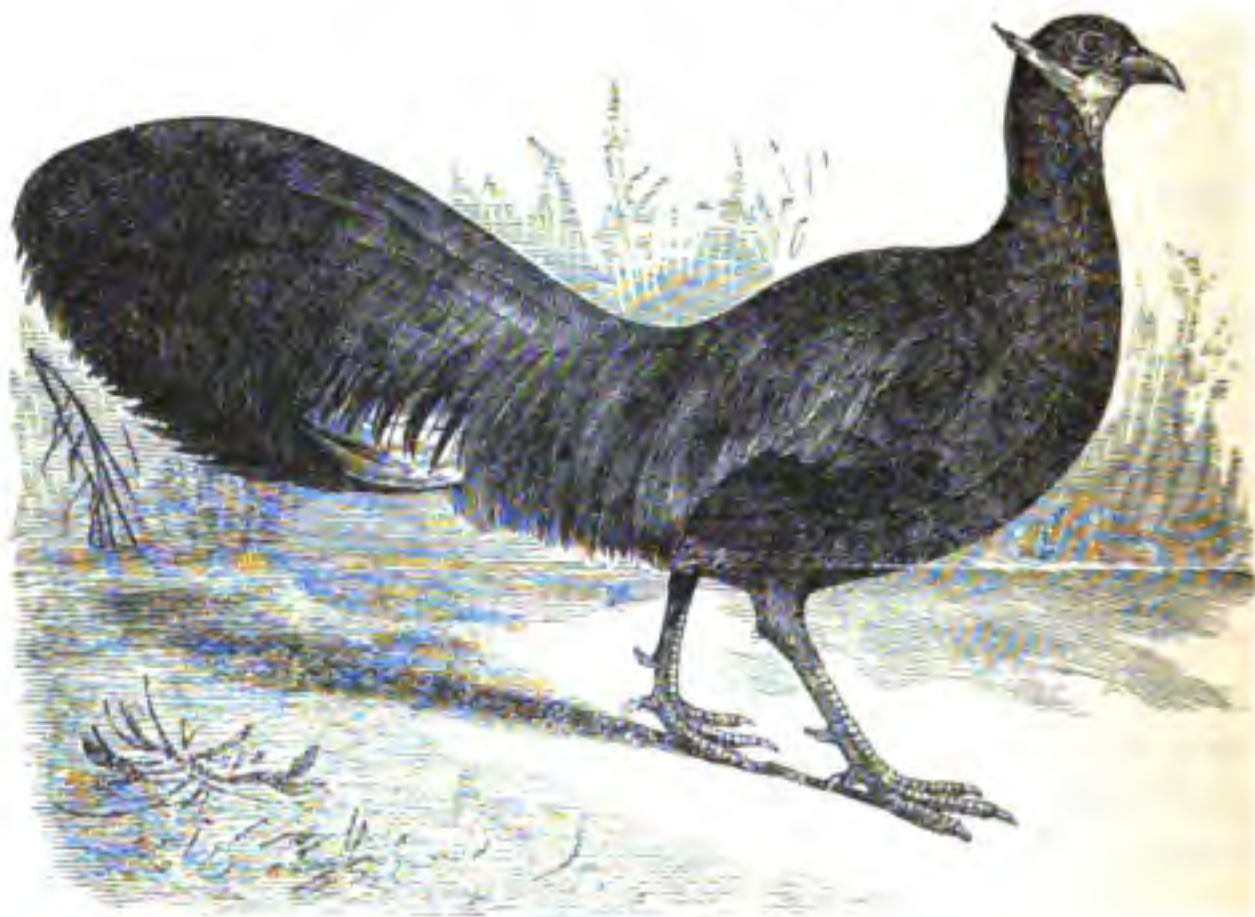
Черезъ три дня Николай Михайловичъ оставилъ Сининь, закупивъ продовольствіе и муловъ, необходимыхъ для слѣдованія въ лѣсныя горы, а также устроивъ свои коллекціи, чтобы не тащить ихъ съ собою на Желтую рѣку... Весеннее теплое солнышко и голубое небо манили въ объятія горной природы... По возвращеніи Пржевальскаго въ лагерь, экспедиція вскорѣ сѣялась караваномъ и радостно двинулась въ дальнѣйшій путь, пересѣкая холмы, съ южнаго склона которыхъ увидѣла давно желанную Хуанъ-хэ, „широкою лентою извивавшуюся въ темной каймѣ кустарныхъ зарослей и обставленную гигантскими обрывами на противоположномъ берегу“. Еще нѣсколько часовъ, и Пржевальскій съ своими спутниками любовался высокими пѣнстыми волнами этой могучей рѣки, грозно катившей свои студеныя воды съ высокаго нагорья Тибета. Вверхъ и внизъ по долинѣ темнѣли коридоры отвѣсныхъ береговъ, изрѣзывающихъ

всю мѣстность и скрывающихъ самую рѣку отъ непривычнаго человѣка.

„Идешь по луговому плато, говоритъ Николай Михайловичъ, совершенно гладкому, какъ вдругъ подъ самыми ногами раскрывается страшная пропасть, по дну которой обыкновенно течетъ рѣчка, обросшая лиственными деревьями; густые кустарники зачастую покрываютъ болѣе пологія мѣста боковыхъ обрывовъ. Въ подобныя пропасти ведутъ тропинки, продолженныя сифанями. Помучились мы, въ особенности наши животныя, не мало, переходя одно за другимъ такія изрѣзанныя ущелья. Къ неудобствамъ движенія присоединялось еще и враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей...“

Въ глубокомъ, тепломъ ущельи Бага-горги путешественники успѣшно поохотились за ушастыми фазанами—*Crossoptilon auritum*, изящныя хвостовыя перья которыхъ, какъ извѣстно, идутъ на украшеніе форменныхъ шляпъ китайскихъ чиновниковъ. „Въ особенности сильно запечатлѣлась въ моей памяти, пишетъ Николай Михайловичъ, одна изъ подобныхъ охотъ на той же Бага-горги. Мы отирались передъ вечеромъ вчетверомъ, верхомъ, версты за четыре отъ своего стойбища, взяли съ собою войлоки и одѣяла для ночевки, чайникъ для варки чая и кусокъ баранины на жаркое, словомъ, снарядились съ извѣстнымъ комфортомъ. Передъ закатомъ солнца добрались до мѣста охоты и, оставивъ лошадей съ казакомъ Телешевымъ на полянкѣ, невдалекѣ отъ ручья, пошли въ ближайшіе кустарники караулить ушастыхъ фазановъ на ихъ ночевкахъ. Выбрали для этого большія, въ разсыпную стоящія, ели, подъ которыми имѣлись несомнѣнные признаки частаго здѣсь пребыванія описываемыхъ птицъ. Усѣлись и ждемъ. Солнце опустилось за горы и мало-по-малу птицы начали думать о ночлегѣ. Стая голубыхъ сорокъ прилетѣла къ ключику близъ нашихъ елей, покопшилась нѣсколько минутъ на землѣ и, съ своимъ обычнымъ трещавьемъ, отправилась въ густой кустарникъ. Большіе дрозды—*Merula Kessleri* одинъ за другимъ начали прилетать съ разныхъ сторонъ на тѣ же ели, гонялись здѣсь другъ за другомъ, съ чоканіемъ и трещаніемъ перелетали съ одного дерева на другое, или лазили по густымъ вѣткамъ; между тѣмъ одинъ изъ тѣхъ же дроздовъ громко пѣлъ на вершинѣ дерева. Голосъ этого дрозда много походить на голосъ дрозда пѣвчаго. Невольно вспомнились мнѣ теперь наши весенніе вечера, въ которые, бывало, на родинѣ, я слушалъ пѣніе птицъ, стоя на тягѣ вальдшнеповъ въ лѣсу. И мысль моя далеко унеслась по пространству и по времени... Чѣмъ болѣе

надвигались сумерки, тѣмъ неугомоннѣе становились дрозды, наконецъ стихли всѣ разомъ; смолкли и мелкія пташки; стало все тихо кругомъ, словно въ лѣсу не было ни одного живого существа... Луна поднялась на востокъ горизонта; вечерняя заря догорала на западѣ—и мы, не дождавшись фазановъ, спустились къ своему бивуаку. Здѣсь горѣлъ огонь, казакъ сварилъ чай и зажарилъ на вертелѣ баранину. Мы поужинали съ прекраснымъ аппетитомъ; затѣмъ, на мшистой почвѣ разостлали войлоки, сѣдла положили въ изголовья и

Ушастый фазанъ (*Crossoptilon auritum*).

легли спать. Но не спалось мнѣ! Великолѣпно хороша была тихая весенняя ночь. Луна свѣтила такъ ярко, что можно было читать; вокругъ чернѣлъ лѣсъ; впереди и позади насъ, словно гигантскія стѣны, высились отвѣсные обрывы ущелья, по дну котораго съ шумомъ бѣжалъ ручей. Рѣдко выпадали намъ, во время путешествія, подобныя ночовки—и тѣмъ сильнѣе чувствовалось наслажденіе въ данную минуту. То была радость тихая, успокоивающая, какую можно встрѣтить только среди матери-природы...

„Наконецъ дремота одолѣла, и я заснулъ, но въ теченіе ночи просыпался нѣсколько разъ. Все также было тихо и спокойно кругомъ, лишь журчалъ внизу ручей, да изрѣдка фыркали привязанныя лошади. Взглянешь на луну—та стоитъ еще высоко, слѣдо-

вательно, до утра еще не близко; перевернешься на другой бокъ, плотнѣ закутаешься въ мѣховое одѣяло и опять забудешься сладкимъ сномъ. Къ утру похолодѣло; луна ушла за горы и, наконецъ, чуть замѣтная полоска свѣта заблѣла на востокѣ. Пора вставать и идти въ засадки. Казакъ всталъ еще раньше и опять вскипятить чай. Быстро сброшены были теплыя одѣяла, надѣто охотничье платье и замерзшіе, но у огня теперь отогрѣтые, сапоги. Затѣмъ мы проглотили по чашкѣ горячаго чая и отправились въ засадки, боясь не упустить дорогое время. Но оно еще не наступило, все еще спало въ лѣсу—и мы не опоздали занять свои мѣста. Вотъ хрипло прозвучала сифаньская куропатка, и послышалось трещанье голубыхъ сорокъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался громкій крикъ ушастаго фазана, въ отвѣтъ которому закричали другія пары изъ разныхъ уголковъ лѣсныхъ ущелій... Радостно забилося сердце охотника... Надежда на желанную добычу замѣнила всѣ другіе помыслы и мечты; только минуты ожиданія казались теперь слишкомъ долгими.

„Между тѣмъ уже порядочно разсвѣло, и голоса проснувшихся птицъ быстро огласили лѣсъ: слышался громкій свистъ хый-ла-по, чоканіе дроздовъ, пискъ синицъ и завирушекъ; но ушастые фазаны кричали лишь нарѣдка, тихо подвигаясь изъ лѣса на поляны. Наконецъ, вдали отъ меня мелькнула эта птица—то два самца дрались между собою. Затѣмъ прокричала и выбѣжала на дальній обрывъ новая пара—опять такъ внѣ моего выстрѣла. Досада и чуть не отчаяніе начала овладѣвать мною; тѣмъ болѣе, что со стороны товарищей уже раздался выстрѣлъ, конечно по ушастому фазану. Нѣсколько разъ меня подзадоривало встать изъ засадки и идти искать фазановъ на удачу по лѣсу; но я рѣшился выдержать искушеніе до конца, несмотря на то, что достаточно продрогъ на утреннемъ морозѣ. Настойчивость эта была, наконецъ, вознаграждена. Послѣ того, какъ уже взошло солнце, пара ушастыхъ фазановъ показалась изъ кустовъ шагахъ въ сорока отъ моей засадки. Красивыя птицы шли мѣрнымъ шагомъ, не подозрѣвая вовсе опасности. Первымъ выстрѣломъ я убилъ самца, вторымъ ранилъ самку, которая однако успѣла убѣжать и скрыться въ ближайшемъ лѣсу. Затѣмъ съ своею добычею я отправился къ мѣсту ночлега, гдѣ товарищи, убившіе также одного фазана, уже дожидались меня съ осѣдланными лошадьми“...

...Съ первыхъ лѣтъ знакомства и дружбы съ Н. М. Пржевальскимъ, я уже проникся сознаніемъ, что человекъ въ тѣсномъ общеніи съ природою дѣлается лучшимъ. Своимъ обаяніемъ природа захватываетъ человека и долѣе сохраняетъ въ немъ чистоту, цѣль-

ность и чуткость души. Среди природы человекъ легче дышетъ, шире мыслить, глубже чувствуетъ, чище любить... Пржевальскій особенно любилъ и особенно понималъ душу природы и ея волшебную красоту... Въ городахъ онъ бывалъ нервный, раздражительный, среди же природы—нѣжный, обаятельный. Только Николай Михайловичъ умѣлъ говорить языкомъ природы, только съ его устъ слетали такія слова: „Чарующее впечатлѣніе производитъ эта красивая птичка, *Grandala coelicolor*, сидящая словно цвѣтокъ на лугу, или порхающая по скаламъ. Иногда даже жалко стрѣлять въ милое, до нѣрчивое созданіе. И всякій разъ, убивши голубого чеккана, сначала нѣсколько минутъ полюбишься имъ, а потомъ уже спрячешь въ свою сумку... Не мало оригинальности придаетъ подобной охотѣ сама мѣстность ¹⁾. Приходится лазить или сидѣть на высотѣ въ 13—14.000 футовъ, нѣрѣдко въ облакахъ, иногда даже выше ихъ. Во всѣ стороны раскрывается далекій, необъятный горизонтъ; смотришь вдаль и не насмотришься вдоволь“...

Тѣмъ временемъ намѣченный для изслѣдованія районъ въ амдоской альпійской области былъ посѣщенъ экспедиціей, и Н. М. Пржевальскій повернулъ къ родному сѣверу, держа путь черезъ Куку-норъ и Гань-су, въ Алашѣ. „Шестого іюня, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, распрощались мы съ Куку-норомъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму. Да, навѣрное въ будущемъ не одинъ разъ вспомню и о счастливыхъ годахъ своей страннической жизни. Много въ ней перевесено было невзгодъ, но много испытано и наслажденій, много пережито такихъ минутъ, которыя не забудутся до гроба“—

Еще болѣе трогательно прощается Николай Михайловичъ съ горами Гань-су, среди которыхъ темной змѣей извивается и сердито хлопочетъ пѣныстыми брызгами его любимецъ—гордый красавецъ Тэтунгъ... „На самомъ перевалѣ, говоритъ онъ, въ ожиданіи прихода отсталшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта—на южной и на сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскидывались передо мною и убѣгали вдаль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ наполнявшемъ воздухъ.“

¹⁾ Охота на голубыхъ чеккановъ (*Grandala coelicolor*) провадилась въ горахъ Джухарь—все въ той же альпійской области, которая прилежала къ Желтой рѣкѣ.

„Справа, невадалькѣ, стояла скалистая вершина Гаджура, не окутанная противъ обыкновенія облаками. Внизу, подъ самыми моими ногами темнѣло глубокое ущелье и множество другихъ ущелій большихъ и малыхъ, близкихъ и далекихъ бороздили горы и извивались въ различныхъ направленіяхъ. Насколько хваталъ глазъ, все было перепутано, изломано, исковеркано. На общемъ зеленомъ фонѣ горъ, тамъ и сямъ выдѣлялись болѣе темныя площади лѣсовъ и кустарниковъ или голыя желтовато-сѣрыя скалы.

„Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется расстаться со всѣми этими прелестями.

„Сколько разъ я былъ счастливъ, сидя одинокимъ на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ завидывалъ пролетающему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя...

„Лучшимъ дѣлается человѣкъ въ такія минуты. Словно, поднявшись въ высъ, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!..“

Спустились въ долину, и обстановка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ пріятной прохлады горъ, экспедиція встрѣтила сильную жару и чрезвычайную сухость атмосферы. Раскаленная днемъ почва горячо дышала до слѣдующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывалось дневное свѣтило и быстро навалило все, что хотя немного успѣвало остынуть въ теченіе ночи. Въ первый день, пришедшая съ запада сильная буря, наполнившая воздухъ тучами удушливой пыли, была словно привѣтомъ пустыни...

Побуждаемые внутреннимъ чувствомъ путешественники не испытывали теперь особенной усталости и, смѣнявъ въ Алашѣ своихъ вьючныхъ муловъ на верблюдовъ, ходко изодня въ-день, подвигались къ Ургѣ; къ тому же близилась осень,— самое лучшее время года для прохожденія пустыни Гоби. И она была, дѣйствительно, скоро и благополучно пройдена. Только послѣдній переходъ къ Ургѣ тянулся невыносимо долго, и нетерпѣніе скорѣе придти на мѣсто съ каждымъ часомъ усиливалось. „Наконецъ, пишетъ Николай Михайловичъ, съ послѣдняго перевала, передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся грязною безобразною кучею священный монгольскій городъ Урга. Еще два часа черепашей ходбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего кон-

сульства. Тутъ же и быстрая Тола струила свою свѣтлую, еще не замерзшую воду; справа на горѣ Ханъ-ула чернѣлъ густой нетронутый лѣсъ. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Близился конецъ девятнадцати-мѣсячныхъ трудамъ и многоразличнымъ невгодамъ. Родное, европейское, чувствовалось уже недалеко. Грязные монголы, встрѣчавшіеся по пути, казались теперь еще противнѣе... Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; ежеминутно подгонялись усталыя лошади и верблюды... Но вотъ мы, наконецъ, и въ воротахъ знакомаго дома, видимъ родныя лица, слышимъ родную рѣчь... Радужная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные разспросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, измѣнъ грязной холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу на столько обновило насъ, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грезами обманчиваго сна...

„Бури грозны миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не скавали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ“...

Теперь Н. М. Пржевальскій всею душою стремился въ Петербургъ, котораго, однако, достигъ только седьмого января (1881 года), такъ какъ ѣзда на почтовыхъ до Оренбурга и остановки въ главныхъ городахъ для встрѣчъ и лекцій заняли не мало времени. Петербургъ, въ свою очередь, также жаждалъ видѣть Пржевальскаго... Вечеромъ четырнадцатаго января состоялось чрезвычайное торжественное собраніе Императорскаго русскаго географическаго общества, назначенное для привѣтствованія путешественника и происходившее въ концертной залѣ дворца великой княгини Екатерины Михайловны. Публика допускалась избранная и исключительно по билетамъ.

Въ восемь часовъ двадцать минутъ, на встраду, гдѣ на особомъ столѣ находились члены совѣта географическаго общества, вошелъ великій князь Константинъ Николаевичъ, въ сопровожденіи П. П. Семенова и Н. М. Пржевальскаго. Когда послѣдній подошелъ къ столу, зала огласилась взрывомъ рукоплесканій. На кафедре вошелъ П. П. Семеновъ и въ краткой рѣчи оцѣнилъ заслуги Пржевальскаго.

— Въ послѣднемъ своемъ собраніи, сказалъ онъ по окончаніи рѣчи и обращаясь къ Николаю Михайловичу, русское географиче-

ское общество избрало Н. М. Пржевальскаго въ свои почетные члены, и я имѣю честь передать вамъ дипломъ на это почетное званіе. Горячія рукоплесканія и крики „браво, браво, Пржевальскій“ прекратились только тогда, когда гласный думы М. И. Семеновскій—основатель и первый редакторъ журнала „Русской Старины“—сообщилъ, что сегодня же, четырнадцатаго января, дума избрала Пржевальскаго въ почетные граждане города С.-Петербурга и постановила помѣстить портретъ его въ одной изъ залъ думы.

Послѣ этого, при новыхъ аплодисментахъ, на кафедрѣ появился самъ виновникъ торжества и въ сжатомъ, но чрезвычайно интересномъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ съ своимъ двухлѣтнимъ странствованіемъ въ азіатскихъ пустыняхъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ рассказъ объ унтеръ-офицерѣ Егоровѣ, пропадавшемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней в случайно найденномъ. Зала огласилась громомъ рукоплесканій, когда Пржевальскій ввелъ на кафедру самого Егорова. „Съ такими молодцами, сказалъ Николай Михайловичъ, мнѣ не казалась трудна моя задача. Противъ насъ была сила физическая,—у насъ была сила нравственная, и мы побѣдили“..

П. Козловъ.

